

Ш. М. ЛЕВИН

Г. В. ПЛЕХАНОВ КАК ИСТОРИК РЕВОЛЮЦИОННО-НАРОДНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ 70-х годов

1

В историографии общественного движения и общественной мысли в России видное место принадлежит пионеру русского марксизма Г. В. Плеханову — автору известных исследований о Белинском, Герцене, Чернышевском, в последние годы явившихся предметом специального изучения в работах советских философов М. Т. Иовчука и М. И. Сидорова.¹ Плеханов важную роль сыграл и как историк последующего этапа общественной мысли и общественного движения, народнического в более специфическом (по сравнению с Герценом и Чернышевским) смысле. Общеизвестен громадный вклад Плеханова в идейную борьбу русских марксистов против народничества, в разработку с марксистских позиций проблемы путей социально-экономического развития России, в обоснование исторической роли российского пролетариата. В течение примерно первых двух десятилетий деятельности Плеханова после его отказа от народнических взглядов и перехода на позиции марксизма этим проблемам было в первую очередь посвящено его литературно-теоретическое творчество. Полемика Плеханова против народнических идей естественным образом тесно переплеталась с историческим анализом развития народничества — как народничества в самом широком значении этого понятия, так и собственно народничества периода расцвета, народничества 70-х годов. И в более поздний период своей деятельности, когда борьба против народничества уже отнюдь не занимала ведущего места в ней, Плеханов неоднократно возвращался к вопросам истории освободительного движения 70-х годов, посвящая им отдельные произведения или ограничиваясь попутно высказанными мыслями.

¹ М. Т. Иовчук. 1) Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. М., 1960; 2) Роль Г. В. Плеханова в истории марксистской философии. В кн.: Проблемы истории философской и социологической мысли XIX века. М., 1960; М. И. Сидоров. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. М., 1957.

В предлагаемом очерке мы имеем в виду не общую критику Плехановым теоретических основ народничества, а освещение им конкретных особенностей революционно-народнического движения 70-х годов на разных этапах этого движения — тему, оставшуюся в значительной степени в тени в последних исследованиях литературного наследия Плеханова.

Приблизительно половина плехановских работ, имеющих отношение к нашей теме, приходится на период от основания группы «Освобождение труда» до появления ленинской «Искры». Сюда относятся «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», статьи в сборнике и журнале («обозрении») «Социал-демократ» (1888—1892 гг.), в том числе «Русский рабочий в революционном движении», статья «О социальной демократии в России», книги «Анархизм и социализм» и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», ряд работ в легальных русских журналах второй половины 90-х годов. Около десятка статей, в которых затрагивается интересующая нас тема, появилось в годы издания ленинской «Искры», среди них — вступительная статья к русскому переводу книги А. Туна «История революционных движений в России».

С конца 1903 г. — вскоре после второго съезда РСДРП и ее раскола — Плеханов стал на меньшевистские позиции. Ошибки в его деятельности были и раньше. Со времени раскола слабые стороны Плеханова, как известно, проявлялись гораздо сильнее и резче. Но это, конечно, не дает оснований для огульно отрицательного отношения к его трудам, написанным после 1903 г. Хотя в чисто теоретических и исторических работах Плеханова этого времени встречаются теперь более существенные ошибки и противоречия, но они содержат и немало ценного. В разгар борьбы с «кадетообразной политикой» Плеханова-меньшевика, в конце 1906 г., В. И. Ленин подчеркивал значение теоретических работ Плеханова, которые остаются, как он писал, «прочным приобретением с.-д. всей России».² Нельзя не учесть и факта частичного сближения Плеханова с большевиками после подавления революции 1905—1907 гг. на почве борьбы против ликвидаторства и против всей идейной реакции. Справедливы замечания М. Т. Иовчука, что в «последующих (после 1903 г., — Ш. Л.) своих сочинениях по истории русской философской и общественной мысли, в частности в тех из них, которые были написаны в годы „лихолетья“, т. е. в годы реакции после поражения первой русской революции, Плеханов при всей непоследовательности и серьезных

² В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 375. В 1908 г. в переписке с Горьким Ленин, резко критикуя политическую тактику Плеханова, одновременно указывал, что последний отстаивает в философии «правое дело» (Соч., т. 34, стр. 332).

ошибках, которые в них были допущены, наносил серьезные удары идейным врагам революции, науки и философского материализма. И в этих своих сочинениях, продолжая дело, начатое им в 80-х годах, он поддерживал и поднимал на щит демократические элементы в русской национальной культуре.³ Это, в общем, относится и к работам Плеханова, так или иначе связанным с историей революционного движения 70-х годов.

Из работ Плеханова, изданных после 1903 г., интересны для нашей темы предисловие к первому тому его собрания «Сочинений», выпущенному в 1905 г. в Женеве, пространный разбор «Истории русской общественной мысли» Р. Иванова-Разумника, опубликованный в 1908 г., статьи 1911—1912 гг. «Герцен и крепостное право», «Неудачная история партии „Народной воли“» (критика монографии В. Я. Богучарского о «Народной воле») и др.

Проблематика работ Плеханова, относящихся в большей или меньшей мере к истории народнического революционного движения 70-х годов, весьма разнообразна. Большое место в них отводится идеологии движения, но значительное внимание уделено и истории революционной практики.

Плеханов освещал идейное содержание народничества, он интересовался происхождением народничества, его эволюцией; он анализировал особенности различных направлений в народничестве, характеризовал его вождей и теоретиков. Плеханов писал о «Земле и воле» 70-х годов, о причинах и обстоятельствах ее раскола в 1879 г., о «Народной воле» и «Черном переделе». Он говорил о рабочем движении 70-х годов, Северном союзе русских рабочих, о взаимоотношениях революционной интеллигенции и рабочих-семидесятников. Плеханов останавливался на вопросе о соотношении взглядов деятелей 70-х годов с идейными позициями вождей освободительного движения предшествующего десятилетия. Он давал определения социальной природы народничества, касался вопроса о его исторической роли, о значении для социал-демократии наследства революционного народничества 70-х годов.

2

В советской историографии возникали споры вокруг оценки плехановских взглядов на социальную основу народничества. Речь идет о сравнении взглядов Плеханова с ленинским освещением социальной природы народничества. Историки давали резко различные ответы на этот вопрос. В. И. Невский находил, что по

³ М. Т. Иовчук, Г. В. Плеханов и его труды по истории философии, стр. 191. Ср.: М. Т. Иовчук. Роль Г. В. Плеханова в истории марксистской философии, стр. 173—176.

вопросу о «социально-экономической основе, из которой выросло народничество», не было «никаких расхождений» между Плехановым и Лениным: и Плеханов, и Ленин, по его убеждению, ясно и определенно указывали, что «объективной основой народничества является существование того огромного количества мелких производителей, интересы, чаяния, вождения и стремления которых выражает и отстаивает народничество».⁴ Коренным образом отличен был взгляд Вл. Малаховского, автора нескольких работ, опубликованных на рубеже 20—30-х годов. По словам Малаховского, только временами у Плеханова «проскальзывала» мысль, что народничество «пропитано мелкобуржуазным духом, отражая интересы мелкобуржуазных элементов». По существу же у Плеханова «отсутствует понимание истинной социальной подоплеки народничества»; основным у него нужно признать «представление о народничестве как идеологии и движении интеллигенции».⁵ Четвертью века отделена от статьи Малаховского книга В. А. Фоминой «Философские взгляды Г. В. Плеханова», где проводится близкая к только что указанной точка зрения. «Плеханов, — писала Фомина, — не показал связи народничества с определенным социальным слоем России... Он высказывал мысль, что русская народническая интеллигенция чувствует родство своих дум с думами русской мелкой буржуазии, но эта мысль не получила дальнейшего развития. По существу Плеханов представил народничество чисто интеллигентским движением, не имеющим корней в социально-политическом развитии России».⁶ Отметим также совсем недавнюю работу — главу из второго тома «Очерков истории исторической науки в СССР» о начале марксистской историографии в России (автор главы — Ю. З. Полевой), в которой безоговорочно говорится о непонимании Плехановым «социальных корней и социального характера» народничества. Плеханов, — утверждает здесь, «не сумел вскрыть социальную сущность русского народничества, его реальное историческое содержание как идеологии крестьянства, мелких производителей».⁷

⁴ Дискуссия о «Народной воле» в Обществе историков-марксистов. Историк-марксист, т. 15. М., 1930, стр. 89, 90.

⁵ В. Малаховский. Плеханов о социальной сущности народничества. В кн.: Маркс, Ленин и Плеханов о народничестве и «Народной воле». М., 1931, стр. 60, 63. Эта статья впервые была напечатана: Пролетарская революция, 1929, № 1 (84), стр. 179—220. На дискуссии о «Народной воле» Малаховский подчеркивал, что высказывания о мелкобуржуазности народничества играли у Плеханова случайную роль.

⁶ В. А. Фомина. Философские взгляды Г. В. Плеханова. М., 1955, стр. 94.

⁷ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II. М., 1960, стр. 281, 282.

Позиция, представленная в свое время В. И. Невским, не может быть признана вполне убедительной. Но и противоположная точка зрения страдает односторонностью. Плеханов видел мелкобуржуазную природу народничества и говорил о ней в разное время, хотя он не сумел подняться до исключительно четкого и последовательного воззрения Ленина, чуждого отставившего положение о народничестве как выразителе интересов и точки зрения мелкого производителя, о крестьянском демократизме как важнейшей, определяющей сущности народничества.

Еще в «Наших разногласиях», написанных в 1884 г., Плеханов указывал, что коммунистическая революция рабочего класса «никоим образом не может вырасти из того мелкобуржуазного социализма, проповедниками которого являются в настоящее время почти все наши революционеры».⁸ Во второй половине 80-х годов в сборнике «Социал-демократ» Плеханов писал: «Мы были приверженцами того частью крестьянского, частью мелкобуржуазного социализма, который даже в случае своего торжества (в действительности немыслимого благодаря утопическому характеру этого социализма) ни в каком случае не привел бы нас туда, куда мы так усердно скакали в своем воображении».⁹ В другой статье того же сборника он отмечал, что «так называемый русский социализм... выражает собой интересы нашей мелкой (конечно, не кулацкой) буржуазии».¹⁰ В сходных выражениях он о народническом социализме говорил и в известном «Внутреннем обозрении» второй книги «Социал-демократа» за 1890 год, называя там народничество «особым сельским изданием мелкобуржуазного социализма», т. е. учения, защищающего, по его словам, «интересы мелкой городской и сельской буржуазии». Господство народнического учения соответствовало, как отмечал в этом «Внутреннем обозрении» Плеханов, «неразвитому состоянию наших общественных отношений».¹¹ В частности, о народовольцах Плеханов говорил уже в начале 900-х годов (в предисловии к русскому изданию книги Туна) как о невольных служителях «передового слоя

⁸ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е. М.—Пгр., 1924, стр. 331.

⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. IV. М.—Пгр., 1923, стр. 268.

¹⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. III. М.—Пгр., 1923, стр. 16—17. В конце той же статьи («Как добиваться конституции?») Плеханов заявлял: «Русские революционеры никогда не закрывали глаз на социальный вопрос, но... они смотрели на него скорее с точки зрения мелкой буржуазии, чем пролетариата» (Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 30).

¹¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 251, 258. В одной из статей о Чернышевском, опубликованной в четвертой книге «Социал-демократа» в 1892 г., Плеханов снова отмечал, что господство народничества объяснялось «отсталостью русской жизни»: «...отсталому экономическому порядку соответствуют отсталые социально-политические взгляды» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VI. М., 1924, стр. 412).

нашей мелкой буржуазии» и противоположность взглядов социал-демократов и народовольцев выражал при этом формулой: «Одни представляли пролетариат, другие — мелкую буржуазию».¹² Аналогичные определения встречаются у него и позже. В 1906 г. на страницах журнала «Современная жизнь» он называл «теоретиков народничества» «идеологами мелкой буржуазии по преимуществу», добавляя, что и «нынешние представители народничества» (эсеры, народные социалисты) «стали на точку зрения мелкой буржуазии».¹³ «Народники стояли на точке зрения крестьянина», — читаем в полемическом выступлении Плеханова против А. С. Мартынова в 1910 г.¹⁴

Но Плеханов, проявлявший уже со времени ранних своих социал-демократических трудов в понимании революционных возможностей крестьянства непоследовательность и колебания, превратившиеся в меньшевистский его период в систему ошибочных взглядов по крестьянскому вопросу, не мог из своих собственных оценок идеологии народничества как мелкобуржуазной, из положения о «крестьянском» характере социализма народников сделать основной стержень всех своих суждений и построений по вопросам социальной природы и происхождения, эволюции, исторического значения народничества. Условия существования, специфические свойства психологии и умственного развития интеллигента-разночинца в немалой степени заслоняли в плехановском изображении общественной мысли и общественного движения роль социальных процессов, связанных с судьбами деревни, крестьянства, страны в целом. Недооценка крестьянства как демократической силы, как естественного союзника пролетариата влекла за собою (особенно в более поздние годы деятельности Плеханова) неверные трактовки сравнительной роли крестьянско-народнических и либеральных элементов в русской общественной жизни. Следует заметить, что уже в некоторых его статьях 80—начала 90-х годов можно найти черты преувеличенного внимания к особенностям положения «образованного пролетариата», в которых он подчас искал главный ключ к разъяснению природы общественных и культурных явлений, свя-

¹² Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV. М.—Л., 1927, стр. 116, 117. В то самое время, когда Плеханов писал предисловие, он работал над брошюрой, направленной против «социалистов-революционеров». Из письма Плеханова к Ленину от начала февраля 1903 г. видно, что он хотел назвать брошюру «Наши разногласия», часть вторая. Третья глава брошюры должна была называться «Идеологи мелкой буржуазии в русском революционном движении» (Ленинский сборник, IV, стр. 211—212). Переписка между Лениным и Плехановым свидетельствует о том, что в брошюре Плеханова предполагалось дать историческую параллель с 70-ми годами (см.: Ленинский сборник, IV, стр. 189).

¹³ Г. В. Плеханов, Соч., т. XV. М.—Л., 1926, стр. 215, 216.

¹⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. XIX. М.—Л., 1927, стр. 249.

занных с народничеством. Такова хотя бы статья «Гл. И. Успенский», напечатанная в сборнике «Социал-демократ» в 1888 г.¹⁵

Взгляды Плеханова на социальную природу народничества нет оснований отождествлять с воззрениями на этот счет В. И. Ленина, но их безусловно не следует отождествлять и с позицией, например, А. Н. Потресова, целиком объяснявшего народничество «отщепенской» психологией русской разночинной интеллигенции. На это справедливо указывает, между прочим, автор новой работы об экономических взглядах Плеханова И. Бровер, отмечающий в то же время, что плехановская трактовка социальной сущности народничества, «выгодно отличаясь от взглядов Потресова», все же имела существенные недостатки. Поэтому названный нами сейчас исследователь, не впадая в крайности, свойственные оценкам Малаховского или Фоминой (также, видимо, Полевого), говорит о непоследовательности Плеханова, о недостаточно правильном понимании им «социальных корней и социальной сущности народничества», ставя это рядом с «преуменьшением революционных возможностей крестьянства».¹⁶

3

Как историк русской общественности Г. В. Плеханов уделял серьезное внимание вопросу о соотношении в области идеологии шестидесятников и семидесятников, главным образом об отношении мировоззрения деятелей 70-х годов к наследию Чернышевского и Герцена — Огарева.

Неоднократно Плеханов возвращался к проблеме, которую можно назвать «Чернышевский и народничество». Плеханов признавал, что роль наследия Чернышевского в 70-х годах, да и вообще в истории народнической мысли была велика. Главным образом он относил это к вопросу о значении русской общины. В 1890 г., в первой из серии своих статей о Чернышевском, опубликованной в «Социал-демократе», Плеханов писал: «Если наша „интеллигенция“ до сих пор так крепко держится за общину, то в этом сказывается неизгладимое влияние Чернышевского».¹⁷ Еще раньше, в «Наших разногласиях», он отмечал то «огромное влияние», какое, в частности, имела на развитие русской революционной интеллигенции статья Чернышевского «Критика фило-

¹⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. X. М.—Пгр., 1924, стр. 9—65. На анализе некоторых высказываний Плеханова в статье об Успенском, имеющих отношение к занимающей нас проблеме, останавливался в своей довольно давней работе о народничестве М. Потап (см.: М. Потап. Народнический социализм. М.—Л., 1930, стр. 166—167).

¹⁶ И. М. Бровер. Экономические взгляды Г. В. Плеханова. М., 1960, стр. 115, 120.

¹⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. V. М., 1924, стр. 90.

софских предубеждений против общинного владения».¹⁸ Плеханов называл Чернышевского «одним из тех писателей, у которых народники заимствовали сильнейшие свои доводы».¹⁹

Но вместе с тем Плеханов с самого начала своей марксистской деятельности стремился и отграничить Чернышевского от позднейших народников, и притом с течением времени эта тенденция в его работах усиливалась. Уже в рецензии на книгу Н. Я. Аристовой о Шапове, напечатанной в 1883 г. в № 1 «Вестника Народной воли», Плеханов противопоставлял воззрения Чернышевского и народничества на государство, и в этой связи он даже именовал Чернышевского родоначальником «русской социальной демократии»,²⁰ имея тут, очевидно, в виду именно социал-демократизм в точном смысле слова (мы даем такое пояснение, поскольку термином «социальная демократия» иногда пользовались в 70—80-х годах и для характеристики революционного народничества).

В той же рецензии Плеханов, однако, еще характеризовал Чернышевского как писателя, который защищал общину «энергичнее, чем кто бы то ни было до и после него».²¹ В «Наших разногласиях», продолжая рассматривать Чернышевского как горячего защитника общины, Плеханов уже упрекал народников 70-х годов в том, что они держались буквы сочинений Чернышевского, усвоили себе «одни результаты его исследований», пренебрегая его методом, не постигая духа его анализа.²² Такой упрек нельзя считать неосновательным. Но в дальнейшем Плеханов подверг пересмотру весь свой взгляд на Чернышевского как на поборника общины.²³ Начиная со своего большого труда о Чернышевском, появившегося на русском языке в «Социал-демократе» в 1890—1892 гг. и в отдельном издании на немецком языке в 1894 г., он все настойчивее подчеркивал значение вступительных страниц статьи Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения», толкуя их как отказ Чернышевского вообще от защиты общины. Ссылки позднейших народников на эту статью Чернышевского Плеханов в 90—900-х годах уже объявлял результатом недоразумения, неправильного понимания воззрений Чернышевского. Когда Чернышевский писал «Критику философских предубеждений», он, согласно новой (уже окончательной) трактовке

¹⁸ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 116.

¹⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 34.

²⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 19.

²¹ Там же, стр. 17.

²² Там же, стр. 151—152, 337.

²³ Плеханов прямо называл впоследствии свой прежний взгляд ошибкой, которую, по его словам, он «не раз исправлял» в последующих (после «Наших разногласий») сочинениях. См.: Г. В. Плеханов. Идеология мещанина нашего времени, Соч., т. XIV. М., 1925, стр. 319.

Плеханова, «совершенно махнул рукой на русскую общину»,²⁴ признал ее даже при сложившихся в ходе подготовки крестьянской реформы обстоятельствах вредной для народного благосостояния.²⁵

Нет сомнения, что Плеханов с достаточным основанием мог уловить некоторые различия во взглядах на общину, с одной стороны, у Чернышевского, с другой — у позднейших народников (частично даже у революционных народников 70-х годов и тем более, конечно, у легальных народников). Но его стремления превратить Чернышевского, начиная с «Критики философских предубеждений», в противника общины нельзя признать обоснованными. Бесспорно справедлив взгляд В. И. Ленина, указывавшего, что Чернышевский «мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину», так как «не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма».²⁶ Ленин не ограничивал эту характеристику утопического социализма Чернышевского каким-либо отдельным периодом деятельности великого русского писателя и публициста.

Между тем именно приведенное выше заключение Плеханова, основанное на определенном толковании статьи «Критика философских предубеждений против общинного владения», служило, насколько можно судить, одним из важнейших, если даже не самым важным базисом для неправильного общего вывода, согласно которому Чернышевского нельзя будто бы считать «родоначальником» или одним из родоначальников русского народничества.²⁷ И этот вывод Г. В. Плеханова расходился с убеждением В. И. Ленина, справедливо видевшего в Чернышевском и Герцене родоначальников народничества как широкого течения русской общественной мысли, народничества в самом широком смысле этого понятия.

Нельзя не заметить также, что одним «общинным» вопросом фактически далеко не исчерпывается роль Чернышевского (как и Герцена) в деле обоснования некоторых общих начал народничества в широком смысле. Допущение возможности некапиталистического пути развития (это, впрочем, связано с надеждами на

²⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 34.

²⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 93; т. VI, стр. 39—40; т. VIII, М.—Пгр., 1923, стр. 216—220; т. XIV, стр. 318—319.

²⁶ В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Соч., т. 17, стр. 97.

²⁷ Такой вывод Плеханов, например, сформулировал в своей критической статье о труде Ю. М. Стасюла «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность», опубликованной в 1910 г.: «Очень ошибаются» те, кто считает Чернышевского «родоначальником нашего народничества». — заявлял здесь Плеханов (Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 369).

общину), мысль о крестьянстве как основной и решающей массовой освободительной силе в России, об осуществимости победоносной крестьянской революции социалистического характера — все это связывало так или иначе народничество 70-х годов с Чернышевским. Беззаветная преданность интересам народа, вера в народ, непримиримо враждебное отношение к гнетущим народ темным силам, идея «борьбы масс за свержение всех старых властей», говоря словами Ленина, в его характеристике революционного демократизма Чернышевского,²⁸ — все это, само собой разумеется (и это не могло не быть ясно Плеханову), также роднило и соединяло настроения и убеждения революционных народников 70-х годов с духом и смыслом проповеди Чернышевского.

Плеханов еще в своих ранних статьях заявлял, что мирозосерцанию русских «передовых писателей» следующего после ссылки Чернышевского периода «свойственны были еще в гораздо большей степени все те недостатки, какими отличалось мирозосерцание Чернышевского».²⁹ Он многократно указывал на то, что Чернышевский был замечательнейшим из русских социалистов-утопистов³⁰ (такова была, как известно, и оценка В. И. Ленина), что после его насильственного удаления со сцены русской публицистики и общественной науки уровень последних понизился.³¹ «По сравнению с народниками Чернышевский до сих пор остается самым передовым человеком», — писал Плеханов в 1890 г. в «Социал-демократе».³²

Конкретизируя эти положения, Плеханов отмечал такие отрицательные особенности мировоззрения ряда видных идеологов народничества 70-х годов, как субъективный метод в социологии, отказ от философского материализма, пренебрежительное отношение к диалектике. До марксизма, по словам Плеханова, «взгляды Чернышевского являлись самым важным приобретением русской философской и общественной мысли». «И поскольку, — продолжает Плеханов, — эта мысль отказывалась от этого своего приобретения, как она сделала это в лице П. Лаврова и его последователей, постольку она шла назад в своем развитии».³³ Он не раз утверж-

²⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 97.

²⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 74.

³⁰ См., например: Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 413.

³¹ «Страшно понизился», — пишет даже Плеханов, например, в 1909 г. (Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 241).

³² Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 409.

³³ Там же, стр. 337. К последователям Лаврова Плеханов относил в первую очередь Н. К. Михайловского. Плеханов вспоминает, что в разговорах с ним Лавров «не раз и, конечно, не без основания называл Михайловского самым талантливым своим учеником» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XIV, стр. 325). Социологические построения Михайловского Плеханов считает «огромным шагом назад в сравнении с общественными взглядами Чернышев-

дал, что русские марксисты чувствуют себя несравненно ближе к Чернышевскому, усвоившему достижения философской мысли Гегеля и Фейербаха, нежели к народникам-«субъективистам», которых он готов был даже называть «мнимыми» продолжателями Чернышевского.³⁴

В переписке Г. В. Плеханова с В. И. Лениным за 1901 год можно найти характеристику Н. К. Михайловского как представителя *литературного* (слово подчеркнуто самим Плехановым) упадка, который начался в России ссылкой Чернышевского и «продолжался... в семидесятых годах благодаря тому, что лучшие силы интеллигенции шли у нас тогда уже не в литературу, а в *практическое движение*».³⁵ (Здесь интересно подчеркивание «литературного», т. е. несомненно, теоретического, характера «упадка»: Плеханов относил «упадок» именно к области теории, а отнюдь не революционной практики. Объяснение причин понижения теоретического уровня передовой общественной мысли 70-х годов по отношению к Чернышевскому, даваемое в этом письме Плехановым, страдает, разумеется, ограниченностью).

Позже, в предисловии к своей «Истории русской общественной мысли», Плеханов указывал, что с конца 60-х годов не было «между передовыми русскими идеологами» таких «последовательных мыслителей», как Чернышевский: «С этих пор в течение целых десятилетий мирозерцание передовых русских писателей, — идеологов самого передового тогда русского общественного слоя, слоя разночинцев, — неизменно страдало эклектизмом, совмещая в себе такие совокупности взглядов, которые по самой природе своей были несогласимы между собою, так как служили выражением диаметрально противоположных и потому совершенно непримиримых между собою общественных течений». Он имел здесь в виду противоречие между принимавшимися русскими мыслителями радикальными социальными теориями (их появление на Западе, говорит Плеханов, отражало тот факт, что роль передового класса переходила к пролетариату) и философскими или литературными понятиями, знаменовавшими собою отказ буржуазии «от роли передового застрельщика в освободительной борьбе». В конце 60-х годов «рядом с передовыми социальными учениями Запада у нас стали распространяться под именем критицизма такие фило-

ского» (Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 185). Напомним, что Ленин говорит о «шаге назад», сделанном Михайловским по сравнению с Чернышевским в области философии (В. И. Ленин. Народники о Н. К. Михайловском. Соч., т. 20, стр. 100).

³⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 131. Ср. неопубликованную в свое время (1897—1898 гг.) статью Плеханова против Михайловского: Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV. М., 1937, стр. 143, 144, 154 (также стр. 156—157, 186).

³⁵ Ленинский сборник, III, стр. 141.

софские учения, успех которых на Западе вызван был ... упадком буржуазных идеологий после 1848 года».³⁶

Характер отношений идеологии семидесятников к общественному мировоззрению Герцена представлялся Плеханову существенно иным, чем к позициям Чернышевского. Отказываясь с некоторых пор видеть в Чернышевском одного из родоначальников народничества, он всегда вполне признавал, наоборот, эту историческую роль за Герценом.

Еще в «Наших разногласиях» Плеханов поставил Герцена у истоков того направления русской общественной мысли, которое отрицало для России необходимость пройти через «школу» капитализма. У Герцена, по мысли автора «Наших разногласий», русская интеллигенция еще в начале 60-х годов нашла «философскую санкцию» своим радикальным социальным стремлениям. Авторитет Герцена, по его словам, был так велик, «предлагаемое им сокращение пути к социализму было так соблазнительно», что эта интеллигенция «мало была склонна скептически относиться к найденному им решению».³⁷ Плеханов находил, что и в 70-х годах революционная интеллигенция не прибавила «ни одного серьезного аргумента» в пользу поставленного Герценом вопроса — «должна ли Россия пройти всеми фазами европейского развития». «Теоретическая постановка революционного вопроса», по его мнению, выраженному в «Наших разногласиях», не подвинулась в 70-х годах вперед со времени Чернышевского и даже отступила во многих отношениях назад — к Герцену («к полуславянофильским воззрениям Герцена», как формулирует Плеханов).³⁸

Через шесть-семь лет, в письме к Геду, ему пришлось коснуться происхождения взглядов публицистов «Народной воли» на экономическую действительность России. Плеханов приходил к выводу, что народовольческая публицистика рассматривала эту действительность «с точки зрения Бакунина». Но Бакунин, пояснял он, «пороха не выдумал». «Подобную оценку нашей действительности мы встречали у Герцена и отчасти у Чернышевского».³⁹

Очень ясно и прямо Плеханов неоднократно именует Герцена родоначальником русского народничества в большой критической статье об Иванове-Разумнике «Идеология мещанина нашего времени».⁴⁰ В еще более поздней статье

³⁶ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. I. М., 1918, стр. 3.

³⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 115.

³⁸ Там же, стр. 153.

³⁹ «Но именно Бакунин, — добавляет Плеханов, — систематизировал эти взгляды и положил их в основу своей революционной программы» (Группа «Освобождение труда». Сборник № 3. М.—Л., 1925, стр. 246—247).

⁴⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. XIV. См., например, стр. 282.

«А. И. Герцен и крепостное право» он, пожалуй, с наибольшей подробностью останавливается на вопросе о роли Герцена и Огарева в обосновании народнической теории. «Что же касается основных теоретических взглядов, например, взгляда на вопрос об экономической самобытности России и о том пути развития, по которому ей надлежит идти, то народники 70-х годов, — утверждал здесь Плеханов, — целиком заимствовали их, хотя и не вполне сознательно, у Герцена и Огарева».⁴¹ Отмечая столкновения и споры между Герценом и молодыми революционерами 60-х годов, затем расхождения с Герценом, имевшие место у деятелей 70-х годов, Плеханов относит их только к области тактики.⁴² Но «молодежь, восстававшая против Герцена»,⁴³ нередко жила его же идеями и — замечательная вещь! — усваивала их все больше и больше по мере того, как расширялось движение, совершавшееся под знаменем «русского социализма».⁴⁴

Попутно Плеханов сравнивал влияние Герцена и Огарева. «Если бы, — замечал он, — историческое значение писателей определялось силою их веры в те или другие идеи, то надо было бы сказать, что Огарев больше, нежели Герцен, имеет право называться родоначальником русского народничества. Но народничество имеет свою теорию, и для выработки этой теории Герцен сделал гораздо больше, чем Огарев».⁴⁵

Напомним еще некоторые важные формулировки, встречающиеся в плехановском проспекте «Истории русской общественной мысли», опубликованном в 1914 г. В плане главы IV части V мы находим тезис о Герцене и Огареве как «теоретических родоначальниках народничества». В плане главы X Плехановым записана мысль об усвоении обществом «Земля и воля» 70-х годов «основных положений народнической теории, выработанной Герценом и Огаревым».⁴⁶

В принципе дифференцированный подход к разным элементам демократического идейного наследия 60-х годов, примененный Плехановым, был вполне правилен. Законно было — опять-таки в принципе — разграничение, проводившееся им между влиянием

⁴¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIII. М.—Л., 1926, стр. 309. Оговорка «хотя и не вполне сознательно» — отнюдь не случайна. Народники 70-х годов субъективно ориентировались (поскольку идет речь о влиянии на них идейных вождей движения 50—60-х годов) в гораздо большей степени на Чернышевского и Добролюбова, чем на Герцена и Огарева.

⁴² Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIII, стр. 309, 351.

⁴³ Если не говорить об отдельных исключительных эпизодах, «восставшая» — выражение слишком сильное в данном случае.

⁴⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIII, стр. 351.

⁴⁵ Там же, стр. 350.

⁴⁶ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. Изд. т-ва «Мир», М., 6 г. [1914], стр. 11, 12.

Чернышевского и Герцена. Но, исходя из своего отрицания места Чернышевского в качестве «родоначальника» (одного из родоначальников) народничества, Плеханов преуменьшал связь революционного народничества 70-х годов с наследством Чернышевского и несколько преувеличивал относительную роль в этом смысле Герцена.

4

Существенное место в суждениях Г. В. Плеханова об идейных истоках народничества занимали всегда его утверждения относительно идейной связи народничества со славянофильством. Эту мысль Плеханов высказывал еще в «Наших разногласиях». ⁴⁷ От нее он не отказывался до конца своей деятельности: в написанном летом 1917 г. предисловии к предполагавшемуся тогда 5-му изданию книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» он заявлял, что «очень легко обнаружить идейное родство народничества со славянофильством». ⁴⁸

Плеханов не стоял в этом отношении одиноко среди историков русской общественной мысли (различных, надо заметить, направлений). Славянофильские корни искал у народничества и А. Н. Пыпин в своих двух статьях о народничестве, напечатанных впервые в начале 1884 г. в «Вестнике Европы»; «народниками» оказывались в его глазах, в тех или иных отношениях, и Петр Киреевский, и Константин Аксаков; предшественниками народничества он называл и «Москвитянин», и почвеннические журналы «Время» и «Эпоха». ⁴⁹ Уже после появления многих ранних произведений Плеханова, заговорил об «исторической связи» между славянофильством и народничеством один из лидеров «легальных марксистов» Петр Струве. В книге «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» он приходил к заключению, что спор русских учеников Маркса с народниками является «естественным продолжением разногласия между западничеством

⁴⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 102, 152, 153, 288. Не один Плеханов в группе «Освобождение труда» отстаивал ее. В написанном П. Б. Аксельродом «Письме к товарищам», изданном в Москве в 1884 г. литографированной брошюрой, говорилось о том, что русские революционеры «постепенно дошли до революционно-славянофильского народничества, развившегося, с одной стороны, в форму „чернопередельчества“ и, с другой — „народовольчества“» (Историко-революционный сборник, т. II, Л., 1924, стр. 174).

⁴⁸ Группа «Освобождение труда». Сборник № 5. М.—Л., 1926, стр. 6.
⁴⁹ А. Пыпин. Народничество. Вестник Европы, 1884, кн. 1, стр. 164—165; кн. 2, стр. 709. В переработанном виде статьи вошли потом в труд Пыпина «История русской этнографии» (т. II, СПб., 1891). См. также: А. Пыпин. Константин Аксаков, Вестник Европы, 1884, кн. 3—4.

и славянофильством».⁵⁰ Не перечисляя всех сторонников подобных взглядов, назовем еще лишь В. Я. Богучарского с его трудом (вышедшим в конце 1912 г.) «Активное народничество семидесятых годов», где идея о связи народничества со славянофильством служит одной из главных основ всей концепции автора.⁵¹

Следует отметить, что хотя Плеханов десятки раз возвращался к своей излюбленной мысли о славянофильских элементах народнического мировоззрения, его высказывания на этот счет носили, как правило, очень беглый характер. Только изредка (например, в статье «О социальной демократии в России», написанной в 1893 г. для польского издания «Истории революционных движений в России» А. Туна) он останавливался на данном вопросе несколько более конкретно и обстоятельно. Тем не менее совокупность замечаний Плеханова дает достаточное представление о том, в чем именно он усматривал родство между народничеством и славянофильством.

К славянофильским чертам народничества Плеханов относил его философию русской истории, его взгляд на общественный строй (или «быт») России и вытекающее из этого противопоставление России Западу.⁵² Сюда включалась идеализация старых, первобытных форм народной жизни, вера в общину, признание ее «чудодейственных» свойств.⁵³ Народническая интеллигенция смотрела на русский народ, по его словам, «через славянофильскую призму».⁵⁴ Славянофилы, пишет он, «говорили, что в народе кроются богатые задатки самостоятельного „гармоничного“ развития», и революционная молодежь конца 60-х и начала 70-х годов «вполне согласилась в этом случае со славянофилами».⁵⁵ Плеханов отмечал, что «теоретический состав» народничества «сложен до крайности».⁵⁶ И в этом сложном составе он всегда готов был найти место для славянофильских идей, говоря то о «славянофильской переделке западноевропейского утопического социализма»,⁵⁷ то об

⁵⁰ П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. 1. СПб., 1894, стр. 29.

⁵¹ О воздействии славянофильства на народничество Богучарский писал еще задолго до создания названной книги; он подчеркивал его (ссылаясь отчасти на Пыпина) в опубликованной в 1900 г. в журнале «Научное обозрение» статье «Александр Иванович Герцен» (перепечатана в кн.: В. Я. Богучарский. Из прошлого русского общества, СПб., 1904).

⁵² Г. В. Плеханов, Соч., т. I, изд. 2-е. М.—Пгр., 1923, стр. 22—23; т. II, изд. 2-е, стр. 102; т. XXIII, стр. 86—87.

⁵³ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 102; т. IX, изд. 2-е. М., 1925, стр. 14, 30.

⁵⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 21.

⁵⁵ Там же, стр. 14.

⁵⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 251.

⁵⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 15.

утопическом социализме «на славянофильской подкладке».⁵⁸ Ему случалось доходить до утверждения, что во мнениях славянофильской школы «к о р е н и л а с ь (разрядка наша, — Ш. Л.) идеология русских социалистов-утопистов народнического периода».⁵⁹

С положением о славянофильских источниках и корнях народнических идей увязывалась у Плеханова известным образом и проблема роли Чернышевского и Герцена в становлении народничества. О Чернышевском в этой связи говорилось им по поводу общины.⁶⁰ Гораздо шире ставился вопрос о влиянии Герцена и Огарева. Воззрения Герцена в «Наших разногласиях» квалифицированы как «полуславянофильские».⁶¹ А в 1903 г., в помещенной на страницах «Искры» юбилейной статье «Карл Маркс», Плеханов, оправдывая критику Марксом Герцена, даже прямо называл Герцена провозвестником «славянофильского социализма».⁶² В еще более поздней (1911 г.) статье «А. И. Герцен и крепостное право», где, повторим, подчеркивалась роль Герцена и Огарева в качестве «родоначальников народничества», Плеханов о Герцене писал: «Он сходится со славянофилами только во взгляде на Запад и на значение русской общины. Зато с этой стороны он подходит к ним совсем близко».⁶³ По существу, Плеханов отчасти на Чернышевского, но в особенности на Герцена смотрел как на посредников между некоторыми идеями славянофильства и народничеством. Другим таким посредником он считал Бакунина.⁶⁴

С другой стороны, конечно, Плеханов видел, по крайней мере, многое из того, что отделяло и в его глазах народничество от сла-

⁵⁸ Там же, стр. 30.

⁵⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIII, стр. 109. Мы цитируем статью Плеханова 1911 г. по поводу выхода собрания сочинений Ивана Киреевского. В начале 1900-х годов в одном из примечаний к русскому изданию своей статьи «О социальной демократии в России» Плеханов, приводя заявление Юрия Самарина (относящееся к 40-м годам XIX в.) о «совпадении» с западным «требованием общины» (социализма) «нашей субстанции», указывал: «В этом взгляде Самарина заключается an sich почти все русское народничество» (Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 14, прим.).

⁶⁰ «Чернышевский сблизился со славянофильской школой в своем взгляде на общину», — писал Плеханов в статье «О социальной демократии в России» (Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 15).

⁶¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 153.

⁶² Г. В. Плеханов, Соч., т. XII. М., 1924, стр. 327.

⁶³ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIII, стр. 311.

⁶⁴ В 1913 г., полемизируя с рецензией Н. В. Чайковского на книгу В. Богучарского «Активное народничество семидесятих годов», Плеханов заявлял: «Я вполне разделяю „парадоксальную мысль“ (Плеханов цитирует Чайковского, — Ш. Л.) В. Богучарского о том, что наше народничество состояло в тесном идейном родстве со славянофильством и что оно породилось с ним, между прочим, через посредство Бакунина» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 129).

вянофильства. Он говорил именно о революционных вариациях на славянофильские темы,⁶⁵ о славянофилах «от революции».⁶⁶

Утверждая, что революционная молодежь конца 60-х и начала 70-х годов согласилась со славянофилами в вопросе о задатках гармоничного развития, скрытых в народе, он отмечал, что, по мнению молодежи, это гармоничное развитие «пойдет в сторону социализма», и указывал также на то, что она, молодежь, дополнила веру в «самобытные задатки» этого развития «верой в прогрессивное воздействие революционной интеллигенции».⁶⁷ Сопоставляя взгляды на государство Щапова и Бакунина со взглядами славянофилов, Плеханов писал: «Славянофилы находили, что народный идеал был в значительной степени осуществлен в нашем старом, допетровском государстве. Щапов и Бакунин видели в государстве отрицание народного идеала, посягательство на самоуправление общин...».⁶⁸ Стремясь доказать в другой работе (1905 г., предисловие к собранию сочинений) большое сходство, почти тождество «философии русской истории» у Погодина и у революционных теоретиков народничества, Плеханов находил, что последние вносили в нее «лишь» (!) одну поправку: «Они объявляли, что наше общественное развитие совершалось и будет совершаться вопреки царской власти» (в то время как Погодин возлагал все надежды на «мудрое действие» царизма), «благодаря здоровым инстинктам народа и прогрессивным стремлениям интеллигенции».⁶⁹ У Погодина и ему подобных и у таких представителей левой общественности, как народовольцы, Плеханов признавал один и тот же «взгляд на общественный строй России», но он не мог не признать и того, что народовольческая теория захвата революционерами власти была, «как небо от земли», далека от «политического образа мыслей людей вроде Погодина».⁷⁰ Много раз Плеханов вспоминал определение в одном из писем Ивана Аксакова (начала 80-х годов) народничества как искаженного, непоследовательного славянофильства; он считал эту аксаковскую характеристику очень меткой.⁷¹ Но он устанавливал, что «крупнобуржуазные тенденции» тогдашнего И. Аксакова «приняли у народников мелкобуржуазный характер».⁷²

⁶⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 317.

⁶⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 62.

⁶⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 14.

⁶⁸ Там же, стр. 15.

⁶⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, изд. 2-е, стр. 23.

⁷⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIII, стр. 87.

⁷¹ Строго говоря, Ив. Аксаков выразился не совсем так — см.: К биографии И. С. Аксакова. Исторический вестник, 1886, № 9, стр. 571—575.

⁷² Г. В. Плеханов, Соч., т. XV, стр. 215. В связи с неоднократными ссылками Плеханова на указанное письмо Аксакова, можно напомнить о многочисленных заявлениях, в которых И. С. Аксаков с самой резкой враждеб-

Словом, в высказываниях самого Плеханова содержался материал, подрывавший очень серьезно его схему, ибо сам же Плеханов фактически показывал, насколько — при тех или иных отдельных внешних сходствах — различны, радикально различны идейно-политические основы славянофильства и народничества.

Позиция Плеханова и тех авторов, которые в той или иной степени сближались с ним по вопросу о соотношении народничества и славянофильства, была связана с недостаточным вниманием (у некоторых писателей оно граничило с игнорированием) к социальным источникам народничества, либо с большим или меньшим отрывом анализа идей от социального анализа. В. И. Ленин отчетливо высказался по поводу аналогий между народничеством и славянофильством в своей критике Петра Струве. Приведя в своей статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» утверждение Струве об исторической связи между славянофильством и народничеством, сопровождаемое у этого автора выводом, что спор марксистов с народниками есть продолжение спора западников и славянофилов, В. И. Ленин подверг критике такую точку зрения. Ленин признавал факт «квасного патриотизма самого низкого разбора» у таких народников, как, например, С. Н. Южаков, но он указывал, что «лучшие из народников... не имели ничего общего с славянофильством». «С такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться», — заявлял Ленин. Сущность народничества, как он подчеркивал, лежит глубже — «в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя». «Народничество, — писал там же В. И. Ленин, — отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и капитала. Оно отразило этот факт через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя...».⁷³

Можно тут же заметить, что авторитетные идеологи самого народничества, сталкиваясь в литературной полемике с проблемой соотношения народничества и славянофильства, обычно отвергали

ностью говорил о народнических революционерах, о полной противоположности «миросозерцания „славянофилов“ и наших социалистов» (И. С. Аксаков, Соч., т. V. М., 1887, стр. 645—646; ср., например: И. С. Аксаков, Соч., т. II, изд. 2-е, СПб., 1891, стр. 681—682 и др.). В самом письме, на которое ссылается Плеханов, Аксаков, говоря о том, что народничество якобы заимствовало у славянофилов все, что в нем есть «оригинального и дельного», одновременно указывал, что народники «разделяются от славянофилов целой бездной» (Исторический вестник, 1886, № 9, стр. 571).

⁷³ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 383—384.

сближение по существу этих направлений;⁷⁴ элемент скорее формального сходства ими признавался иногда по отношению к вопросу об общине. Н. К. Михайловский, имея в виду и славянофильство, и западничество, писал в 1879 г. в «Заметке» по поводу книги И. Г. Оршанского «Исследования по русскому праву»: «Ясно, что идеалы и программы сороковых годов, как бы они ни были для своего времени хороши, нам не указ. Мы на тридцать, сорок лет младше, тем самым на тридцать, сорок лет старше (т. е. более зрелы, — Ш. Л.)».⁷⁵ Еще раньше, споря с «Неделей», Михайловский указывал на то, что к 60-м годам славянофильство и западничество утратили как самостоятельные доктрины всякий смысл. Он упрекал славянофилов в «лирике» и «умышленной слепоте», отчего «славянофильство измором кончилось». Дальнейшее развитие рассуждений публицистов «Недели» должно было, по его мнению, пойти по одному из двух противоположных путей: «...или это — старая славянофильская дребедень со всею ее неопределенностью, бессознательностью и произвольностью, или прямое наследие (не говорю: повторение) литературы 50—60-х годов».⁷⁶

В 1884 г. против попыток А. Н. Пыпина связать отчасти истоки народничества со славянофильством и родственными последнему теченьями общественной мысли поднял свой голос известный народнический писатель Н. Н. Златовратский. Он писал, обращаясь к Пыпину: «Так называемое „народничество“ (может быть, принявшее этот термин за неудобством в литературе более выразительного термина)⁷⁷ никаким образом не ведет своего происхождения от „Москвитянина“, „Маяка“, „Времени“ и „Эпохи“ и очень мало имеет с ними общего; так же мало, как известно, имеет с ними общего Добролюбов (считаемый совершенно основательно вами наиболее выразительным родоначальником народничества в его время).⁷⁸ Известно, что начало „народничеству“ (не в теории, а ор-

⁷⁴ Но они признавали уклон к славянофильству у отдельных ультранародников, вроде писателей «Недели» или В. П. Воронцова (В. В.).

⁷⁵ Отечественные записки, 1879, № 4, стр. 218.

⁷⁶ Н. К. Михайловский, Соч., т. III. СПб., 1897, стлб. 753, 765, 769. В 1893 г., в своем разборе книги В. В. «Наши направления», Михайловский указывал, что на мысли о необязательности для России того пути экономического развития, которым шла Западная Европа, сходилась со славянофилами впоследствии «группа писателей, не имеющих с славянофильством, за исключением этого пункта, ничего общего». Но для славянофилов, пишет Михайловский, особенности русской экономики составляли «одну из частей» их обширной системы, обнимавшей «вопросы богословские, философские, исторические, политические, нравственные, художественные...» (Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. VII. СПб., 1909, стлб. 672).

⁷⁷ Неясно, какой более точный термин имел в виду Златовратский: возможно, «демократизм» или «социализм» («русский социализм», «крестьянский социализм»)?

⁷⁸ В первой статье о народничестве Пыпин, между прочим, заявлял, что в мыслях, особенно рельефно выраженных в свое время Добролюбовым, в его

ганически) положил разночинец, тот разночинец, который явился ближайшим выразителем потребностей, интересов и чувств веками униженных и угнетенных масс».⁷⁹

Протесты народников против поисков в славянофильстве корней их учений были, конечно, связаны с мотивами идейной самозащиты, поскольку эти поиски могли компрометировать народничество в прогрессивном общественном мнении. Но это обстоятельство нисколько не лишало их возражения значения и той или иной меры убедительности.

5

В высказываниях Плеханова легко заметить разграничение между «народничеством» до-народовольческой поры и «народовольчеством» (или «народовольством», как любил писать сам Плеханов). Правда, он с достаточным основанием указывал обычно на общность «теоретической основы» у народников и народовольцев,⁸⁰ но, вместе с тем, находил между ними и существенные различия. Мы пока отметим одно из этих различий.

Характерной чертой революционных народников 70-х годов, «по крайней мере большинства» (делая эту оговорку, он имел в виду, несомненно, сторонников Ткачева), Плеханов считал убеждение в том, что «освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся».⁸¹ В предисловии к первому тому первого издания своего собрания сочинений в 1905 г. он утверждал, что народники-революционеры 70-х годов «стремились возбуждать революционную самостоятельность народной массы и в этом отношении стояли несравненно выше народовольцев».⁸² Год спустя в другом предисловии — к запискам Н. В. Васильева «В семидесятые годы» — Плеханов писал: «... Несомненно, что в теории социал-демократ не имеет ничего общего с народником, но что касается практической деятельности, то социал-демократ вовсе не так далек от народника, как это могло казаться в пылу спора. У них есть одна общая черта, устанавливающая тесную связь между ними.

вере в народ, связанной, однако, со свободным критическим изучением его, заключались лучшие стороны позднейшего народничества «как горячего и искреннего желания узнать народ и служить его делу» (Вестник Европы, 1884, кн. 1, стр. 180—181).

⁷⁹ Н. Златовратский. Открытое письмо А. Н. Пыпину. (По поводу его статьи «Народничество», В. Е., №№ 1 и 2). Русские ведомости, № 48, 17 февраля 1884 г., стр. 3.

⁸⁰ См., например: Г. В. Плеханов. Неудачная история партии «Народной воли». Соч., т. XXIV, стр. 146.

⁸¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 132.

⁸² Г. В. Плеханов, Соч., т. I, изд. 2-е, стр. 21—22. Следует заметить сразу, что и народовольцы в принципе не отказывались от стремления возбуждать революционную самостоятельность массы. Но они не придавали решающего значения этой стороне деятельности, этим стремлениям, выдвигая на первый план другие задачи.

И тот, и другой приурочивает все шансы своего успеха к самодеятельности массы; и тот, и другой твердо убежден в том, что его собственная работа имеет смысл только в том случае, если она будит массу. В этом отношении у народника гораздо больше общего с социал-демократом, чем, например, с „народовольцем“. И это слишком мало замечали до сих пор». Плеханов вместе с тем здесь же отмечал, что «теоретическое представление о массе» подверглось коренной переработке у социал-демократов.⁸³

Конечно, Плеханов учитывал, наряду с этим, факт очень превеличенного представления народников об историческом значении интеллигенции. Он сам немало усилий потратил на борьбу с этой ошибкой народничества. «Интеллигенция, — писал он, — играла в наших революционных расчетах роль благодетельного провидения русского народа, провидения, от воли которого зависит повернуть историческое колесо в ту или иную сторону». Но там же он подчеркивал, что «самоуверенность» интеллигенции уживалась рядом с «самой беззаветной идеализацией народа» и с убеждением, что освобождение народа есть дело самого народа.⁸⁴

Плеханов здесь правильно уловил одно из противоречий в идеологии революционных народников 70-х годов, на которое не всегда обращает должное внимание наша современная литература. Это противоречие очень ясно проявлялось, например, у П. Л. Лаврова, у которого субъективизм в социологии, идеализация роли «критически мыслящих личностей», т. е., по существу, передовой интеллигенции, совмещались с мыслью о том, что будущая революция может и должна быть совершена самим народом, сознательной революционной массой.⁸⁵

Вопросы, связанные с расхождениями внутри революционного народничества 70-х годов (еще до «Народной воли»), часто являлись предметом освещения в работах Плеханова. Естественно, что он уделял особое внимание главному разделению революционеров-семидесятников на «бакунистов» и «впередовцев». Хочется при этом отметить одно важное наблюдение, сделанное Плехановым

⁸³ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 128.

⁸⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 132 («Наши разногласия»).

⁸⁵ В ходе дискуссии о народничестве, недавно проведенной на страницах журнала «Вопросы литературы», Э. Виленская и Б. Итенберг приводили некоторые положения Лаврова о народном характере революции. Авторы усматривают в них доказательство «отхода автора „Исторических писем“ от превеличения роли „критически мыслящих личностей“» (Э. Виленская, Б. Итенберг. Действительно, не надо упрощать! Вопросы литературы, 1960, № 10, стр. 104). Если известные сдвиги в позиции Лаврова и имели место, то все же превеличение роли интеллигенции, бесспорно, у Лаврова сохранилось. Не забудем, кстати, того, что Лавров переиздал «Исторические письма» в начале 90-х годов с изменениями, не нарушавшими основного строя авторских мыслей.

в его первой марксистской книге «Социализм и политическая борьба». Приводя слова Энгельса (из работы «Развитие социализма от утопии к науке») о господствовавшем в свое время в головах большинства рабочих Англии и Франции «эклектическом» или «среднем» социализме, Плеханов указывает: «Такая же точно смесь господствовала в половине семидесятых годов в умах наших социалистов и представляла тот общий фон, на котором выделялись два крайние направления так называемых „впередовцев“ и „бакунистов“». ⁸⁶ Мы находим здесь, хотя бы в намеке, правильную мысль о том, что в 70-х годах существовал, так сказать, средне-народнический общий фон, но более четко самоопределившиеся элементы среди революционной молодежи принадлежали в полном смысле к сложившимся сравнительно замкнутым фракциям или направлениям.

В связи с той большой ролью, которую играли в движении 70-х годов последователи Бакунина, Плеханов, — сам бывший во второй половине этого десятилетия одним из виднейших бакунистов, — особенно часто возвращался потом в своих работах к оценке содержания, места и значения именно бакунистского направления. Ему принадлежит ряд более или менее развернутых характеристик как общих воззрений Бакунина (последнего, анархистского периода Бакунина), так и его взглядов на задачи революционного движения в России. Эти характеристики содержатся в таких произведениях, как «Наши разногласия», «Анархизм и социализм» (1894 г.), «Международное товарищество рабочих» (1904 г.) и т. д. Плеханов-марксист подверг острой критике бакунинский анархизм; он показал связь бакунизма с прудонизмом и одновременно указал на особенности воззрений Бакунина по сравнению с прудоновскими. В статье о Международном товариществе рабочих Плеханов писал, что ученики Прудона представляли в Интернационале мирно-утопический элемент, подобно тому как ученики Бакунина явились элементом революционно-утопическим. Происки бакунистов грозили, по его словам, «превратить Международное товарищество рабочих в тайное общество утопистов, страшных на словах и совершенно бессильных на деле». В своих отношениях к бакунистским дезорганизаторам Интернационала Маркс «не имел права быть уступчивым, потому что *уступать* им можно было, только *поступаясь* жизненными интересами пролетариата». ⁸⁷

Плеханов, резко критикуя учение Бакунина, тем не менее считал его крупной личностью, даровитым, образованным и смелым

⁸⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 32. Ср. стр. 68: об «общем колорите того фона, на котором выделялись оба вышеназванные направления».

⁸⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. XVI. М.—Л., 1925, стр. 302—303.

человеком, который мог бы играть очень плодотворную роль в международном рабочем движении, если бы оказался в состоянии выйти из-под власти «худших преданий утопического социализма» и действительно усвоить взгляды Маркса.⁸⁸ На отношении Бакунина к учению Маркса Плеханов останавливался не однажды. Он отмечал, что Бакунин не был в теории удовлетворен историческим идеализмом и заявлял себя сторонником исторической теории Маркса.⁸⁹ Вместе с тем Плеханов постоянно подчеркивал неправильное, «до последней степени неправильное»,⁹⁰ понимание Бакуниным исторического материализма. Бакунин, писал он еще в своей книге «Анархизм и социализм», «совершенно не усвоил материалистического понимания истории, он был лишь „софистизирован“ этим учением».⁹¹

При всем том Плеханов допускал некоторое значение для судьбы русского революционного движения даже искаженного «марксизма» Бакунина. В предисловии к русскому изданию книги А. Туна «История революционных движений в России» он утверждал, что «от искаженного, если хотите даже *карикатурного*, марксизма Бакунина и его последователей все-таки было ближе до научного социализма, чем от эклектического идеализма Лаврова и лавристов». «И мы видим на самом деле, — заявляет Плеханов, — что первыми последовательными русскими социал-демократами явились люди, прошедшие через школу бакунизма, а не бывшие ученики Лаврова».⁹² В частности, Плеханов этой стороне вопроса приписывал известную роль в объяснении своего личного умственного развития. Об этом он скажет через два года после опубликования только что цитированной статьи, в предисловии к своим сочинениям.⁹³ Это показание Плеханова, касающееся обстоятельств его собственного идеологического роста, подвергалось сомнению в исторической литературе. Е. Ярославский, например, усматривал в утверждении Плеханова «элемент приукрашивания прошлого».⁹⁴ Для истолкования в целом идейного процесса конца 70-х и начала 80-х годов, завершившегося появлением русского социал-демократии, это утверждение приходится, действительно, признать, по крайней мере, преувеличенным. Но в деле восстанов-

⁸⁸ Там же, стр. 304.

⁸⁹ См., например: Г. В. Плеханов, Элизэ Реклю как теоретик анархизма. Соч., т. XVI, стр. 158—159.

⁹⁰ Там же, стр. 178.

⁹¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, стр. 211.

⁹² Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 91.

⁹³ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, изд. 2-е, стр. 19—20.

⁹⁴ Ем. Ярославский. Группа «Освобождение труда» и ее историческое значение. Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VIII, ч. I. М., 1940, стр. V.

ления истории идейного развития самого Плеханова, думается, трудно полностью игнорировать его свидетельство.

Сравнивая вообще роль бакунизма и лавризма в русском революционном движении 70-х годов, Плеханов, хотя и отдавал должное лавристам в том отношении, что они «гораздо более, чем бакунисты, содействовали ознакомлению русских революционеров с деятельностью немецкой социал-демократии»,⁹⁵ в общем расценивает народников-бакунистов значительно выше. В качестве сильной стороны русского бакунизма он неизменно указывал на его «пристрастие» к агитации.⁹⁶ Народничество-бунтарство «в отношении своего идейного содержания хромало на обе ноги», — замечает Плеханов в одной из своих поздних статей; но «бунтари имели большое преимущество: это были энергичные люди дела».⁹⁷ «Бунтарские» стремления, — подчеркивается в статье «Еще раз социализм и политическая борьба», опубликованной в 1901 г. в «Заре», — сделали из народников (речь идет непосредственно о землевольцах второй половины 70-х годов) «усердных, неутомимых и очень искусных агитаторов». «Они агитировали в деревне и в городе, между крестьянами и рабочими, между либералами и раскольниками, между казаками разных „земель“ и студентами разных „ведомств“. Они энергично, „не щадя своего живота“, поддерживали всякое оппозиционное и революционное движение, направлявшееся против существующего порядка, и в этой неутомимой агитационной деятельности, в этой всегдашней готовности немедленно откликнуться на всякое проявление общественного недовольства заключается все значение революционного народничества. Правильный революционный инстинкт спасал народников семидесятих годов от реакционных выводов, вытекавших из их ошибочных теоретических посылок». Плеханов в то же время делает важную оговорку, что «теоретические ошибки народников не остались без вредного влияния на их агитационную практику».⁹⁸

Плеханов отмечал тот факт, что объективно революционная, бунтарская, агитаторская деятельность народников имела политическое значение; думая бороться вообще против всякого государства, во имя «свободной федерации свободных общин», бунтари в действительности протестовали против современного «полицейски-сословного государства». Проклинавший политику бунтарь на деле «оказывался прежде всего политическим агитатором...»⁹⁹

⁹⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 89.

⁹⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 16.

⁹⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 176.

⁹⁸ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 70.

⁹⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 17. Ср.: т. XXIV, стр. 176—177.

С этим важным выводом об объективном политическом смысле деятельности революционных народников нельзя не согласиться.

Плеханов касался вопроса о степени влияния Бакунина и бакунизма в русском революционном движении. С вполне достаточным, с нашей точки зрения, основанием он говорил о том, что «миросозерцание М. А. Бакунина наложило свой отпечаток на взгляды многих из тех наших социалистов, которые никогда не были его последователями».¹⁰⁰ Между прочим, он отмечал большое сходство некоторых взглядов Бакунина и Ткачева, несмотря на полемику Ткачева против анархизма. Все идеи Ткачева о социальных отношениях в России, по отзыву Плеханова, «были пропитаны чистейшим бакунизмом».¹⁰¹ Правда, не Бакунин был родоначальником этих идей, но именно Бакунин, по его мнению, «систематизировал» возникшие до него взгляды. Для Плеханова бесспорен был факт безусловного преобладания влияния бакунизма над лавризмом, особенно с половины 70-х годов.¹⁰² С этим также нельзя не согласиться.

Высказывания Плеханова о П. А. Лаврове и о лавристах принадлежат разным периодам плехановской литературной деятельности: от первых его марксистских работ до произведений, написанных между двумя русскими революциями

Быть может, по соображениям чисто тактическим,¹⁰³ в таких работах, как «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» (особенно в первой), Плеханов неправомерно сближал лавризм с социал-демократией. В «Социализме и политической борьбе» мы встречаем даже утверждение, что «впередовцы» стояли «почти целиком на точке зрения социал-демократии» и были «совершенно свободны от всех народнических традиций». Но тут же, противореча себе, Плеханов справедливо отмечал, что они «отри-

¹⁰⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 134—135. Подобная мысль нашла выражение в литературе другого направления. Мы имеем в виду серию статей видного либерального публициста и государственоведа А. Д. Градовского «Социализм на Западе Европы и в России» (написана в конце 1878 г. и в следующем году напечатана в журнале «Русская речь»). По мнению Градовского, Бакунин «наложил свою печать на все произведения нашей революционной литературы, как заграничные, так и издающиеся в России» (А. Градовский. Трудные годы (1876—1880). Очерки и опыты. СПб., 1880, стр. 207—208). Как видим, мысль высказана у Градовского в еще более решительной форме, чем у Плеханова.

¹⁰¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 343.

¹⁰² «В половине семидесятых годов влияние бакунизма было у нас уже несравненно сильнее влияния журнала „Вперед!“, — читаем в статье Плеханова (1893 г.) «О социальной демократии в России» (Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, и д. 2 е, стр. 12).

¹⁰³ Напомним, что в начале 80-х годов Лавров близко стоял к эмигрантской группе чернопередельцев, идейный вожь которой — Плеханов — находился тогда с ним в довольно тесных отношениях.

цали „политику“ так же решительно, как и анархисты», и подчеркивал идеалистический и утопический характер их мировоззрения. «Философско-историческая часть учения Маркса, — писал он в этой работе, — осталась для них непрочитанною главою любимой книги; они слишком верили во всемогущее влияние своей пропаганды, чтобы искать для нее опоры в объективных условиях общественной жизни».¹⁰⁴

Плеханов не раз давал характеристику теоретических и общественно-политических взглядов самого Лаврова. В 1893 г. в статье «О социальной демократии в России» он писал: «П. Л. Лавров несомненно достоин всякого уважения, как человек, связавший с революционным делом все свои симпатии и антипатии, посвятивший ему все свои обширные, разносторонние знания. Но он был и навсегда останется эклектиком».¹⁰⁵ Об эклектизме Лаврова, как известно, еще в 70-х годах говорил Энгельс. Плеханов эту же сторону дела выдвигал почти неизменно. Он указывал на влияние, испытанное Лавровым, между прочим, со стороны Канта, Бруно Бауера, Огюста Конта. Плеханов не прошел мимо заявлений Лаврова о признании им исторического материализма, он отмечал, что Лавров «почтительно признал» автора «Капитала» своим «великим учителем».¹⁰⁶ Однако эти признания, в полной искренности которых, можно быть уверенным, Плеханов не сомневался, с его точки зрения не отвечали по существу реальному положению вещей — находились, как он говорил, в «вопиющем противоречии» с собственными историческими идеями Лаврова.¹⁰⁷

Издание Лаврова «Вперед!», по оценке Плеханова, не шло «дальше весьма неопределенного утопического социализма»: в этом Плеханов видел причину того, что «Вперед!», «беспрестанно крича о нищете и о вырождении русского народа, не считал нуж-

¹⁰⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 38—39.

¹⁰⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 5.

¹⁰⁶ Там же, стр. 8; см. также т. XXIV, стр. 87.

¹⁰⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 8; см. также: т. XXIV, стр. 87. В брошюре-листочке «Из записной книжки социал-демократа», вышедшей в 1900 г. вскоре после смерти П. Л. Лаврова, Плеханов подвергал критике речь одного из редакторов журнала «Рабочее дело» Б. Н. Кричевского на похоронах Лаврова. Плеханов протестовал против затушевывания принципиальных разногласий «первостепенной важности» между социал-демократией и Лавровым: «Марксисты придерживаются, как известно, материалистического взгляда на историю, между тем как исторические взгляды П. Л. Лаврова (достаточно вспомнить его „Исторические письма“) были насквозь пропитаны идеализмом... П. Л. Лавров... заслуживает величайшего уважения. Социал-демократы нравственно обязаны чтить его память. Но они не имеют никакого права затушевывать и скрывать разногласия, существовавшие между ними и Лавровым...» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 44).

ным взяться за серьезное изучение экономики России». ¹⁰⁸ В то же время он отмечал известный оттенок в отношении Лаврова к проблеме социально-экономических перспектив России.

В «Наших разногласиях» Плеханов использовал передовую статью в № 27 двухнедельника «Вперед!» в своей полемике против Льва Тихомирова. Эту статью, в которой говорилось о пышном и быстром росте в России капиталистического строя «со всеми последствиями» этого, Плеханов назвал «прекрасной». ¹⁰⁹ Он одобрил и те критические ноты в отношении роли общинных традиций, которые содержались в той же статье. ¹¹⁰ Позже, в предисловии к книге Туна, Плеханов сосредоточил свое внимание на противоречиях, свойственных воззрениям Лаврова на русскую общину, его взглядам на будущее русского капитализма. Вывод, «приблизительно», как он сам говорит, сформулированный им на основании передовых статей Лаврова во «Вперед!», гласил: «Лавров надеялся, что социалистическая революция предупредит развитие капитализма в России и что, вследствие этого, исходными точками социалистического развития явятся у нас артель и община; но, не будучи твердо уверен в этом, он утешал себя и своих последователей тою мыслью, что „неумелость русских социалистов-революционеров подготовить и организовать революцию, обрушившись тяжелыми страданиями на русский народ, все-таки не спасет хищнической буржуазии от фатального процесса“, т. е. от социалистической революции, которая явится в этом случае неизбежным результатом капиталистического развития». ¹¹¹ Считая отличием русского марксизма от народничества всевозможных оттенков убеждение в невозможности для России перескочить через капитализм, Плеханов позицию Лаврова, как он, Плеханов, ее понимал и формулировал (и, нельзя не заметить, понимал и формулировал верно), находил несравненно более близкой «к бакунизму и народничеству, чем к марксизму». Он поэтому решительно оспаривал мнение, высказанное перед тем Ю. М. Стекловым в брошюре «Отказываемся ли мы от наследства?», будто лавризм являлся «первоначальным русским марксизмом». ¹¹²

Несколько раз Плеханов возвращался к характеристике действовавших в России последователей лавристской фракции. При этом

¹⁰⁸ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 10. Ср. более позднее заявление Плеханова (1909 г.): «Лавров обеими ногами стоял на почве утопического социализма. Его взгляд на историю был чисто идеалистический. В его многочисленных социалистических произведениях нет ни одной попытки дать анализ тогдашних экономических отношений России» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 175).

¹⁰⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 289.

¹¹⁰ Там же, стр. 291.

¹¹¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 86.

¹¹² Там же.

с особым вниманием он останавливался на том периоде в истории русских «лавристов», когда он сам непосредственно с ними сталкивался и боролся в качестве представителя бунтарско-народнической «Земли и воли» (Плеханов ввел для них определение «*лавристы времен упадка*»).¹¹³ Тон плехановских высказываний на этот счет был не всегда одинаков. Относительно благоприятно он говорил о поздних «лавристах» в 1890 г. в начальной части своих очерков-воспоминаний «Русский рабочий в революционном движении». Здесь Плеханов высказывал мнение, что пропаганда сходявших уже тогда со сцены лавристов среди рабочих Петербурга была, «вероятно», разумнее землевольческой. Лавристы «изображали не в превратном виде западноевропейское рабочее движение», они, хотя сами отрицали «политику», сочувственно относились к немецкой социал-демократии и могли заронить «семя здоровых понятий» в головы рабочих. Поэтому в «Русском рабочем» он признавал за лавристами «не малую заслугу». «Если, — писал Плеханов, — в программе образовавшегося зимой 78—79 г. Севернорусского рабочего союза сильно слышалась социал-демократическая нота, то это, кажется, в значительной степени нужно приписать влиянию лавристов».¹¹⁴

Близкая по времени статья «О социальной демократии в России» (1893) сосредоточивает все внимание на отрицательных чертах поздних лавристов — враждебности их не только к политической борьбе, но и к всякого рода агитационной деятельности. «Они составили из себя довольно высокомерную общину сектантов, — указывал Плеханов, — упорно и монотонно осуждавших все то, что заставляло сильнее биться сердце тогдашнего „радикала“, они скоро стали *«революционерами только по имени»*. Некоторые из приверженцев лавризма «постепенно превратились в мирных носителей русского прогресса, другие, более активные, сбрасывали

¹¹³ Там же, стр. 88. В этом определении Плеханов имел в виду, конечно, не упадок всего революционного движения, а упадок лавризма как революционного направления.

¹¹⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 140—141. Интересна реакция на это место воспоминаний Плеханова его товарища по «Земле и воле» О. В. Аптекмана. В своей книге о «Земле и воле» он дважды цитирует его. В первый раз он, приведя цитату, заявляет: «Нам остается только подписаться под этой характеристикой Г. В. Плеханова». Вторично обратившись к тому же месту плехановских воспоминаний, в другой главе он, однако, восклицает: «Слишком много чести, думается нам, для лавристов!» (О. В. Аптекман. Из истории революционного народничества. «Земля и воля» 70-х годов. По личным воспоминаниям. СПб., 1907, стр. 82, 151). В последнем издании работы Аптекмана сохранилось то же противоречие (см.: О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х годов по личным воспоминаниям, Изд. 2-е, испр. и значительно дополн. Пгр., 1924, стр. 184, 315).

с себя давившее их иго „критического“ доктринерства и переходили в другие фракции».¹¹⁵

Значительное место вопросу о «лавристах времен упадка» было уделено в предисловии Плеханова к русскому изданию книги Туна. «Что лавристы гораздо более, чем бакунисты, содействовали ознакомлению русских революционеров с деятельностью немецкой социал-демократии, это, — писал теперь (в 1903 г.) Плеханов, — не подлежит ни малейшему сомнению». Но, добавляет он, «происходило это не потому, что лавристы лучше бакунистов понимали теоретическую основу социал-демократической программы, а потому, что они видели в социал-демократах естественных своих союзников в борьбе против „бунтарской“ тактики бакунистов».¹¹⁶ В предисловии довольно детально разбирается вопрос о взглядах поздних лавристов на перспективы развития русского капитализма — в связи с данными, сообщавшимися Туном на основании обзора социально-революционного движения в России, опубликованного в 1881 г. (написан в 1880 г.) П. Аксельродом в цюрихском «Ежегоднике социальной науки и социальной политики».¹¹⁷ Признавая тот факт, что с точки зрения «лавристов времен упадка» только капитализм мог в России создать почву для социа-

¹¹⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 11—12. Ср.: Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VIII, ч. I, стр. 119. Отзыв Плеханова, нами процитированный, по существу не отличается от оценок, которые уже раньше давались поздним «лавристам» самим Лавровым. Так, в статье «Несколько слов об организации партии», опубликованной весною 1881 г. в № 3 «Черного передела», Лавров говорил о прежних «передовцах», что они «или перешли под иное знамя, или ничем не проявляют своего существования», и резко осуждал как изменников и отступников тех, «кто „выжидает“, не участвуя в борьбе словом или делом» (Памятники агитационной литературы, т. I. Черный передел. М.—Пгр., 1923, стр. 254, 258). В другой статье («Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма») Лавров писал о «политике „выжидания“», принятой его бывшими последователями, «которая есть для всякой партии синоним самоубийства, а в бурные годы, которые пришлось переживать... России, могла вызвать лишь нравственное возмущение во всяком искреннем деятеле» (Календарь «Народной воли» на 1883 год. Женева, 1883, стр. 105).

¹¹⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 89.

¹¹⁷ Согласно характеристике взглядов поздних «лавристов», дававшейся тогда Аксельродом, община должна уступить место буржуазному хозяйственному строю. Крестьянская община не может служить исходным пунктом социального движения в России, потому что это — институт, находящийся в состоянии распада и обреченный, ввиду давления неблагоприятных обстоятельств, на неизбежную гибель, и, кроме того, это институт реакционный, основанный на привычках и воззрениях, противоречащих выводам науки о прогрессе и цивилизации. Поэтому, излагал Аксельрод мнение этих «лавристов», революционерам нечего делать в крестьянстве; предоставив последнее естественному ходу истории, они должны перенести центр своей деятельности в среду промышленных рабочих (Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Herausgegeben von Ludwig Richter. Zweiter Jahrgang. Zürich, 1881, стр. 271—273).

лизма, Плеханов подчеркивал: «Единственный вывод, который они делали отсюда, был тот, что социалистам надо до поры до времени совсем сойти с русской исторической сцены. Это была не программа действия, а самооправдание людей, решившихся бездействовать и понимавших, что подобное решение не может быть принято революционной средой как нечто естественное и само собою разумеющееся. Необыкновенное положение требовало и необыкновенных доводов, и эти необыкновенные доводы взяты были из арсенала марксизма. Но эти доводы мирно уживались в головах тогдашних лавристов с их старыми идеалистическими предрассудками...».¹¹⁸

Плеханов, несколько увлеченный в данном случае психологическим объяснением позиции поздних лавристов, их действительно своеобразной философии бездействия (или, говоря словами Лаврова, «выжидания»), связанной в большей мере с утопизмом, верностью аполитическим предрассудкам, не уделил внимания тому обстоятельству, что взгляды лавристов конца 70-х годов на капитализм и рабочий класс можно все же рассматривать и как ранний симптом постепенно назревавшего разложения традиционного народнического мировоззрения.

6

Плеханова следует считать первым историком рабочего движения 70-х годов в России. Наибольшее значение в этом отношении имеют его очерки «Русский рабочий в революционном движении», опубликованные впервые в 1890 и 1892 гг. в обозрении «Социал-демократ». Но вопросы, связанные с характеристикой рабочего движения 70-х годов, Плеханов-марксист несколько раз уже затрагивал и до «Русского рабочего».¹¹⁹ Имея дело с плехановскими высказываниями по интересующей нас теме, нужно, понятно, учитывать задачи, которые он перед собой ставил. Факты, относящиеся к прошлому рабочего движения в России, привлекались им для подкрепления его основных мыслей о целях и средствах, о перспективах революционной борьбы. Читателю, еще большую часть не освободившемуся от влияния народнических идей, Плеханов убежденно доказывал возможность, необходимость, первостепенную важность развертывания революционной деятельности в среде фабрично-заводских рабочих для подготовки создания рабочей социалистической партии.

В книге «Социализм и политическая борьба», говоря о заслугах «мыслящего пролетариата», другими словами — передовой интелли-

¹¹⁸ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 88.

¹¹⁹ В домарксистский период, как известно, Плеханов писал о рабочем движении и рабочем вопросе в России в прессе (нелегальной и легальной) конца 70-х годов.

генции, в борьбе за освобождение родины, Плеханов указывал: «Он расшатал абсолютизм, пробудил политический интерес в обществе, занес семя социалистической пропаганды в среду нашего рабочего класса» (разрядка наша, — Ш. Л.).¹²⁰ Он признавал, что задачи устной и печатной пропаганды среди рабочих и организации рабочих кружков занимали всегда «более или менее видное место в программах наших социалистов». Тем не менее «распределение революционных сил» носило, по его словам, слишком односторонний характер. В частности, он обращал внимание на то, что в деле издания периодических листов для рабочих, как «Зерно» (чернопередельцев) и «Рабочая газета» (народовольцев), не проявлялось «той энергии, с какой ведется литературная пропаганда в „интеллигентных“ слоях общества».¹²¹ Касаясь периода народнического «политического индифферентизма», Плеханов отмечал, что орган «Земли и воли» порицал Северный союз русских рабочих за то, что «он выставил в своей программе известные политические требования».¹²² Ссылаясь далее на ответ Северного союза редакции «Земли и воли», Плеханов делал вывод, что «члены этого Союза раньше нашей „интеллигенции“ поняли всю неуместность „политического невмешательства“ рабочего класса».¹²³

Этот момент из истории революционного движения — политические требования в программе Северного союза и его ответ на критику ее на страницах печатного органа землевольцев — Плеханов и группа «Освобождение труда» в целом потом выдвигали не один раз. В объявлении «Об издании „Рабочей библиотеки“», датированном 15 сентября 1884 г. и подписанном П. Аксельродом

¹²⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 81—82.

¹²¹ Там же, стр. 85.

¹²² Речь идет о второй передовой в № 4 «Земли и воли» («По поводу Северного союза русских рабочих»), в которой, приветствуя образование Союза, автор одновременно подвергал критике некоторые стороны его программного манифеста. В частности, в статье говорилось, что «вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами посвящается слишком много времени и решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле», а в то же время «положения революционной программы (т. е. народнической программы, — Ш. Л.) о значении пропаганды фактами, об активной борьбе, даже не дебатировались» (Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов-на-Дону, б. г., стр. 200). Критика была по форме довольно робкой и неуверенной («слишком много времени», «слишком категорически»), но все же это было выражение известного неудовольствия. Исторический парадокс заключается в том, что статью писал Д. А. Клеменц, которого тогда же наиболее последовательные народники-анархисты, как, например, Л. Г. Дейч, уже готовы были считать (за другую его статью в «Земле и воле») «либералом-конституционалистом» — не социалистом и не народником (см.: Ш. М. Левин. Дмитрий Александрович Клеменц, М., 1929, стр. 71—73).

¹²³ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 59—60.

и Г. Плехановым, читателю предлагалось припомнить «тот знаменательный факт, что в лице Северно-русского рабочего союза рабочий класс *первый* выступил у нас, даже *наперекор* так называемой революционной интеллигенции, с требованиями политической свободы; совершенно самостоятельно дошел он до сознания невозможности каких-нибудь улучшений в быту низших классов без приобретения ими для себя политических прав».¹²⁴ Позднее в «Русском рабочем» говорилось о том же, хотя в несколько иных выражениях. «Как бы там ни было, — писал Плеханов, — будущий историк революционного движения в России должен будет отметить тот факт, что в семидесятых годах требование политической свободы явилось в рабочей программе раньше, чем в программах революционной интеллигенции».¹²⁵ Такую редакцию можно признать более точной. Здесь говорится не вообще о русском революционном движении, которое знало ясные и развернутые политические программы — декабристов и «Колокола», Чернышевского, «Великорусса» и первой «Земли и воли» (начала 60-х годов) и т. д., а именно о движении 70-х годов. Вместе с тем у Плеханова говорилось не вообще о тех или иных политических лозунгах и требованиях, но о программном их оформлении (от имени, прибавим, действующей в самой России революционной организации).¹²⁶ И в уточненной формулировке «Русского рабочего» (Плеханов здесь писал также о том, что к началу 1879 г. рабочее движение переросло на целую голову народническое учение)¹²⁷ вполне подчеркнуто глубокое принципиальное значение выступления организации передовых рабочих с программой политических требований.¹²⁸

¹²⁴ П. Аксельрод. Рабочее движение и социальная демократия. Женева, 1885 (Рабочая библиотека, вып. 1), стр. XII—XIII.

¹²⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 186.

¹²⁶ Известно, что и до конца 1878—начала 1879 г. в некоторых литературных документах 70-х годов выставлялись требования политического характера и содержались призывы к борьбе за их осуществление. Политические требования в программе Северного союза русских рабочих можно считать одним из симптомов назревшего перелома в революционном движении 70-х годов в сторону прямой постановки самостоятельных политических задач.

¹²⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 182.

¹²⁸ Заслуживает внимания оговорка, сделанная Плехановым при переиздании «Русского рабочего» в 1902 г.: «Говоря это (т. е. отмечая появление требования политической свободы прежде всего в рабочей программе — Ш. Л.), я имею в виду наиболее деятельную и наиболее влиятельную часть тогдашней революционной интеллигенции: народников. Кроме народников, были тогда полулибералы, толковавшие о политической свободе. Они издавали „Начало“, но влияния они не имели» (Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 182). Это заявление вызывает недоумение и требует, в свою очередь, существенной оговорки. Нам кажется неправильным говорить об издателях «Начала» (выходившего в первые месяцы 1878 г.) как о «полулибералах». Они в действительности принадлежали к лагерю тогдашних революционеров, но не имели вполне четко выраженного лица, пытаясь эклектически соединить черты народничества-бунтарства и лавризма. Непоследовательным было их отношение

По вопросу о том, каков был удельный вес рабочей пропаганды и агитации в общей деятельности революционных народников 70-х годов, у Плеханова можно встретить не совсем совпадающие суждения. В статье 1888 г. «Как добиваться конституции?» он писал, что «Земля и воля» вела «очень деятельную пропаганду между рабочими больших городов».¹²⁹ «Революционеры из „студентов“ много сделали для пробуждения рабочих», писал он через год в предисловии к переизданию речи Петра Алексеева.¹³⁰ Но почти одновременно в рецензии на журнал «Свободная Россия» он утверждал, что революционеры 70-х годов, если «и брались по временам за пропаганду среди рабочих, то делали это спустя рукава, мимоходом, без увлечения».¹³¹ Все же чаще Плеханов склонялся в сторону первого (в общем, более правильного) из этих выводов, хотя он неизменно отмечал (и справедливо) отсутствие у революционных народников верного взгляда на пролетариат и его роль в освободительной борьбе и вытекавшие из этого принципиальные дефекты в содержании их пропаганды. В «Русском рабочем» мы находим заявления о том, что «Земля и воля» во все время своего существования поддерживала через некоторых своих членов «дейтельные сношения с рабочими», что землевольцы «много сделали для развития рабочего движения в России».¹³²

Очерки «Русский рабочий в революционном движении», основанные главным образом на личных воспоминаниях автора, но частью использовавшие и нелегальную литературу 70-х годов (материалы, принадлежавшие его же собственному перу), занимают центральное место в плехановском наследии, связанном с историей рабочего движения 70-х годов. Вернее, это единственная у Плеханова работа, целиком трактующая данную тему.

Труд Плеханова в основном посвящен участию в революционном движении 70-х годов (по существу, второй их половины) пе-

к вопросам политической борьбы. Они допускали возможность, если даже не вероятность, в близком будущем политического переворота и установления конституционного режима в России. Они готовы были признать такой ход событий выгодным для социалистов, облегчающим «пропаганду социалистических идей в народе». Но они тем не менее высказывались против участия социалистов в борьбе за конституцию, отстаивая в этом отношении позицию «laissez faire, laissez passer», призывая «положиться исключительно на действие общих бессознательных стихийных сил». Цитируется передовая статья в № 4 «Начала», написанная, как указывал Н. К. Бух, его братом Л. К. Бухом. См.: Революционная журналистика семидесятых годов, стр. 53—55; Н. К. Бух. Воспоминания. М., 1928, стр. 165.

¹²⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 24.

¹³⁰ Там же, стр. 115.

¹³¹ Там же, стр. 97.

¹³² Там же, стр. 146, 200. И здесь, впрочем, Плеханов отмечает, что землевольцы шли к рабочим «не то чтобы против воли, а, так сказать, *против теории*», что отношение их к рабочим было «двойственным и совершенно непоследовательным» (стр. 139).

тербургских рабочих, хотя автор сообщает фактические сведения и высказывает те или иные соображения также относительно положения рабочего движения в Москве и провинции. У Плеханова можно найти некоторые данные об экономическом положении рабочих. Больше внимания он уделяет характеристике политического и культурного облика петербургского рабочего, особенно передового рабочего, включившегося в революционное движение. Он говорит о различии типов «заводского» и «фабричного» рабочего, рассказывает о стачечном движении петербургских рабочих в конце 70-х годов, наиболее подробно останавливаясь на крупных стачках среди петербургских текстильщиков в 1878—1879 гг. Очерки содержат сведения об объеме и характере связей революционной интеллигенции с петербургскими рабочими кружками, о состоянии этих кружков примерно к началу 1876 г. и их дальнейшем развитии, приведшем к образованию Северного союза русских рабочих; они дают материал по истории демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 г., сообщают обстоятельно и о демонстрации на похоронах рабочих, погибших при взрыве на Василеостровском патронном заводе, через год после Казанской демонстрации. Хотя в советской исторической литературе было опубликовано много новых материалов по истории Казанской демонстрации, работа Плеханова сохраняет свою большую важность и в этом отношении.

Плеханов характеризует программу Северного союза русских рабочих (содержание ее он восстанавливает по памяти). При этом характеристика программы, данная в «Русском рабочем», относительно правильнее, чем та, какая давалась им попутно в «Наших разногласиях». Там Плеханов предлагал читателю вспомнить «социал-демократическую программу» Северного союза.¹³³ Здесь, в «Русском рабочем», он указывает, что требование политической свободы «сближало Северно-русский рабочий союз с западноевропейскими рабочими партиями, придавало ему социал-демократическую окраску». «Говорю — окраску, — подчеркивает Плеханов, — потому что вполне социал-демократической программу Союза признать было бы невозможно. В нее вошла немалая доза народничества».¹³⁴

В связи с историей деятельности Северного союза Плеханов яркими красками рисует образ героического представителя русского рабочего класса Степана Халтурина на основе личных своих впечатлений от близкого с ним общения. Он рассказывает о первоначальном отношении Халтурина к террору, об изменении его взгляда на террор и говорит вообще о влиянии террора на судьбу Северного союза: «С самого основания своего Северно-русский ра-

¹³³ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 343.

¹³⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 186.

бочий союз поставлен был террористической тактикой интеллигенции в довольно затруднительное положение». ¹³⁵ Говоря затем о прекращении существования Союза, он высказывает предположение: «По-видимому, на его судьбе отразились программные разделения тогдашней интеллигенции. Несомненно, по крайней мере, что уже в 1880 г. появляются между петербургскими рабочими сторонники „партии Народной воли“... и сторонники „Черного передела“». ¹³⁶ Нам кажется это предположение во многом очень основательным. Действительно, особенно появление «Народной воли» с ее политической программой, с ее террористической тактикой должно было сильно повлиять на судьбу Северного союза. Правда, ко второй половине 1879 г., когда возникли «Народная воля» и «Черный передел», Союз и без того уже был весьма подорван арестами; он уже, несомненно, не имел в это время прежней численности и сравнительно хорошей организованности. Но именно события в лагере революционной интеллигенции должны были сказаться в том, что усилия в направлении его возрождения или укрепления не были, видимо, особенно настойчивыми и упорными (хотя еще была предпринята в начале 1880 г. попытка к изданию его органа «Рабочая заря»). ¹³⁷

7

Возникновение разногласий в «Земле и воле», их обострение, раскол «Земли и воли», вопрос о значении деятельности «Народной воли», сравнение последней с «Черным переделом» — вот круг проблем, которые особенно волновали Плеханова как историка революционного движения 70-х годов. Это более чем естественно, если принять во внимание и историческое значение кризиса, охватившего движение в конце 70-х годов, и крупнейшую роль самого Плеханова в событиях того времени.

Надо, впрочем, заметить, что произведения Плеханова дают также важный материал для истории «Земли и воли» в целом, т. е. до кризиса 1879 г. Это отчасти видно уже из сказанного: сообщая

¹³⁵ Там же, стр. 201.

¹³⁶ Там же, стр. 204.

¹³⁷ Надо напомнить, что в «Наших разногласиях» тоже речь шла о причинах распада Северного союза, но несколько по-иному. Констатируя факт распада Союза, Плеханов винил революционную интеллигенцию в том, что она не оказала ему должной поддержки, в частности, в деле устройства тайной типографии для издания рабочего органа, «Главные усилия наших „интеллигентных“ социалистов, — писал он, — были тогда направлены совсем в другую сторону. Результатом этих усилий было не поддержание рабочих, а усиление полицейских преследований, обрушившихся, между прочим, и на рабочие организации. Мудрено ли, что предоставленный исключительно своим силам в непривычном для него деле конспирации, Рабочий союз был разбит на более мелкие части, не связанные между собою единством плана и действия» (Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 343).

о деятельности революционной интеллигенции в среде рабочих, о Казанской демонстрации или о демонстрации на Смоленском кладбище, Плеханов говорил в значительной мере именно об истории «Земли и воли». И это лишь некоторая часть того, что содержат работы Плеханова для ее истории. У Плеханова можно найти данные по истории землевольческой программы, материал о деревенских поселениях землевольцев, характеристики тактических позиций «Земли и воли» и пр.¹³⁸

К землевольчеству Плеханов непосредственно приурочивает термин «народничество». Он говорит о 1874—1875 гг. как об «эпохе», когда «еще не существовало народничества в настоящем смысле этого слова». «Народничество, — пишет Плеханов, — есть уже вторая фаза нашего движения семидесятых годов. Оно возникло в результате более или менее полной неудачи, испытанной в своем хождении в народ революционерами первой фазы».¹³⁹ Понятие «народничества» в смысле землевольчества Плеханов имеет в виду в статье «Герцен-эмигрант», говоря о том, что идеи Герцена «легли в основу русского народничества, сложившегося в половине 70-х годов в довольно стройную систему».¹⁴⁰ Эти указания Плеханова в определенной мере согласуются с ходом революционного движения 70-х годов, которое действительно пережило несколько фаз, причем на середину 70-х годов приходится переход к той фазе, которая характерна выработкой и энергичными попытками воплощения в жизнь программы, самими участниками и современниками именно и названной народнической.¹⁴¹

Но Плеханов же сотни раз пользовался термином «народничество» в очень широком смысле — для характеристики большого и разветвленного направления, рождение которого он связывал с именами Герцена и Огарева и с проявлениями которого он, как писатель-марксист, постоянно считался на протяжении десятилетий (вспомним, к примеру, заглавие известной книги А. Волгина-Плеханова «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)», легально вышедшей в 1896 г.). О семидесятых годах в це-

¹³⁸ Среди произведений Плеханова, связанных с историей «Земли и воли», следует, между прочим, назвать его «Воспоминание об А. Д. Михайлове», написанное и напечатанное еще до появления группы «Освобождение труда».

¹³⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 149.

¹⁴⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIII, стр. 445.

¹⁴¹ В обзоре социалистического движения в России, опубликованном на немецком языке в 1879 г., П. А. Лавров не без оттенка обиды писал, что «прежнее имя „народники“, которым называл себя всякий, веривший в возможность социального преобразования (Umgestaltung) исключительно силою народа», стало «монополией» отдельной группы (Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Herausgegeben von Ludwig Richter, Erste Hälfte, Zürich, 1879, стр. 269). Ср.: Каторга и ссылка, 1925, № 1 (14), стр. 45.

лом Плеханов писал как об «эпохе процветания народничества».¹⁴² Напомним, что В. И. Ленин, употреблявший в нескольких значениях термин «народничество», различавший народничество в широком или самом широком смысле слова и в более специфических значениях, расцветом «действенного» (здесь синоним слова «революционного») народничества признавал «„хождение в народ“ (в крестьянство) революционеров 70-х годов»,¹⁴³ причем тут подразумевалось, бесспорно, все движение, направленное на развертывание революционной борьбы крестьянства, включая землевольческий период.

Мы уже отмечали высокую оценку Плехановым агитационной революционной деятельности «Земли и воли». Он очень положительно оценивает и организационные формы «Земли и воли». Еще в статье 1893 г. «О социальной демократии в России» он писал о том, что «пожелания наши (пожелания русских социал-демократов той поры, — Ш. Л.) сводятся к созданию подвижной боевой организации вроде общества „Земля и воля“ или „Партии Народной воли“...».¹⁴⁴ В 1901 году на страницах ленинской «Искры», защищая мысль о необходимости тайной и строго конспиративной организации ядра партии, он указывал, что такая необходимость была признана революционерами до «Народной воли» (Плеханов спорил с «Манифестом» эсеров, где эта заслуга приписывалась народовольцам). «Чтобы не заходить слишком далеко, — заявлял он, — укажем на „тайную“, „строго конспиративную“ и централистическую организацию „Земля и воля“ семидесятых годов».¹⁴⁵ Плеханов мог здесь авторитетно говорить как свидетель и участник. Его заявление перекликается с известной оценкой, данной землевольческой организации В. И. Лениным в «Что делать?»: «...у нас так плохо знают историю революционного движения, что называют „народовольчеством“ всякую идею о боевой централизованной организации, объявляющей решительную войну царизму. Но та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а землевольцами, расколовшимися на чернопередельцев и народовольцев».¹⁴⁶

Следует учесть еще одно существенное высказывание Плеханова о положении организационного вопроса в период «Земли и воли», содержащееся в его речи по поводу устава социал-демократической партии на II съезде РСДРП. Оспаривая ссылку Аксельрода на опыт 70-х годов, Плеханов указывал, что тогда «существовал хо-

¹⁴² Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 83.

¹⁴³ В. И. Ленин. О народничестве, Соч., т. 18, стр. 490.

¹⁴⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 29.

¹⁴⁵ Г. В. Плеханов, Соч. т. XII, стр. 121.

¹⁴⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 442.

рошо организованный и прекрасно дисциплинированный центр, существовали вокруг него созданные им организации разных разрядов, а что было вне этих организаций, было хаосом, анархией». Составные элементы этого хаоса, по словам Плеханова, называли себя членами партии, но дело не выигрывало, а теряло от этого.¹⁴⁷ Заявление Плеханова, сделанное в этот момент в поддержку ленинских организационных принципов, было целиком одобрено В. И. Лениным в книге «Шаг вперед, два шага назад».¹⁴⁸

При всем критическом отношении к домарксистскому этапу революционного движения Плеханов обычно о «Земле и воле» говорил в тоне серьезного уважения, выделяя в ее организации и практической деятельности важные в его глазах достоинства.

«Народную волю» по сравнению с народничеством-землевольчеством Плеханов признает и шагом вперед, и шагом назад.¹⁴⁹ Вполне отчетливо это было им выражено в 1905 г. в предисловии к собранию сочинений: «Так как бакунинское отрицание „политики“ несомненно было неосновательно и происходило из непонимания того, что в процессе общественного развития, — как и во всяком другом процессе, — причина является следствием, а следствие, в свою очередь, становится причиной, то „народовольческое“ отрицание отрицания, т. е. отрицание народовольцами мысли о вреде „политики“, было совершенно правильно и являлось большим шагом вперед в истории нашей революционной мысли». Признание этого факта, напоминал Плеханов, можно найти еще в его брошюре «Социализм и политическая борьба». Однако «Народная воля» стояла на точке зрения заговора; она была «тайной организацией заговорщиков, пользовавшейся большими симпатиями со стороны так называемого общества и по временам заводившей кое-какие связи с рабочими, но главные свои упования возлагавшей на революционную интеллигенцию». С этой стороны, по мнению Плеханова, «народовольство» «было большим шагом назад сравнительно с народничеством», которое, при всех ошибках, ориентировалось на революционную самостоятельность народа.¹⁵⁰

¹⁴⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 427.

¹⁴⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 238.

¹⁴⁹ Правда, в ранний период у Плеханова иногда проскальзывало как будто более решительное предпочтение народовольчества народническому бунтарству. В 1889 г. он писал в статье «Политические задачи русских социалистов»: «Заговор с целью захвата власти представляет собой несравненно более осмысленное революционное действие, чем анархическое „бунтарство“ с его чисто отрицательными задачами». Но Плеханов тут же указывал: «Нужно сознаться, что стремление партии „Народной воли“ — как общества заговорщиков — совсем не совпадает с общим ходом русского исторического развития. Поэтому заговорщические планы ее были заранее осуждены на неудачу» (Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 87).

¹⁵⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, изд. 2-е, стр. 20—22.

Признавая большой шаг вперед, сделанный народовольцами, поскольку они отвергли отрицание «политики», Плеханов вместе с тем неоднократно подвергал критике незрелость и непоследовательность народовольческих воззрений на самую «политику». Он называл наивным мнение, будто именно народовольцы «правильно» решили у нас вопрос политической борьбы». «Народовольцы, — утверждал Плеханов, — никогда не могли понять, что противоположение чистого социализма „чистой“ политике совершенно бессмысленно».¹⁵¹ В другом месте он писал: «М. А. Бакунин, а с ним и народники семидесятых годов, следуя Прудону, отрицали всякую „политику“. Народовольцы пришли к тому убеждению, что без „политики“ обойтись невозможно. Но так как они не в состоянии были теоретически справиться с Бакуниным и с народничеством, то они признали „политику“ лишь как неизбежное зло и лишь в той мере, в какой политический переворот совпал бы с социальным». Отсюда, по словам Плеханова, логически выросла народовольческая теория «захвата власти».¹⁵²

Противоречивость и непоследовательность народовольческой идеологии, вообще говоря, правильно отмечены Плехановым. Но, на наш взгляд, он все же слишком мало уделял внимания наличию колебаний, программно-тактических зигзагов и сосуществованию различных тенденций в народовольчестве. На практике (да и в литературных документах партии) не все помыслы и планы народовольцев сводились к «захвату власти» и к мечте о совпадении политического переворота с социальным, хотя идея такого одновременного переворота и играла большую роль, особенно на некоторых этапах, в связи с чем, конечно, В. И. Ленин потом имел вполне достаточно оснований определять «переворот специфически „народовольческий“» как «переворот и политический и социальный в одно и то же время».¹⁵³

Мы сказали, что Плеханов недостаточно уделял внимания существованию различных тенденций в «Народной воле». Но справедливость требует отметить, что эта сторона дела не обходится в плехановском наследии. В предисловии к русскому изданию книги Туна справедливо говорится о том, что в народовольческую организацию входили люди, расходившиеся довольно сильно во взглядах. Он находил в ней три оттенка: радикалов в западноевропейском смысле; чистокровных народников, пришедших к убе-

¹⁵¹ Мы цитируем брошюру Плеханова 1897 г. «Новый поход против русской социал-демократии» (Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 327).

¹⁵² Г. В. Плеханов, Соч., т. XIV, стр. 330; ср. также: т. IX, изд. 2-е, стр. 20.

¹⁵³ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Соч., т. 5, стр. 51.

ждению, что только низвержение самодержавия проложит путь для развития «устоев» народной экономической жизни; людей, которые «одновременно склонялись и к западноевропейскому радикализму, и к российскому народничеству, вследствие чего их воззрения делались в высшей степени запутанными». Плеханов высказывал тут правдоподобное предположение, что последняя группа даже составляла большинство в «Народной воле».¹⁵⁴

Тем не менее Плеханов идею захвата власти с целью осуществления сразу и политического, и экономического переворота рассматривал едва ли не как наиболее определяющую для народовольчества,¹⁵⁵ причем обычно происхождение этой идеи он связывал в большей или меньшей степени с влиянием на «Народную волю» П. Н. Ткачева и его «Набата».

Еще в «Наших разногласиях» Плеханов существенное место уделил вопросу об отношении народовольчества к воззрениям «Набата». Цитируя, например, статью «Революционная пропаганда из «Набата»»,¹⁵⁶ он писал в своей книге: «Эти строки, напечатанные в 1878 году, когда никто не думал еще о создании „партии Народной воли“, с достаточною ясностью показывают, где нужно искать источник тех практических идей, пропаганду которых приняла на себя эта партия».¹⁵⁷ «... Литературная деятельность „партии Народной воли“ сводится к повторению на разные лады ткачевских учений», — говорит Плеханов в тех же «Наших разногласиях».¹⁵⁸ В начале 90-х годов в статье «О социальной демократии в России» он утверждал, что с появлением «Народной воли» восторжествовало «остававшееся до тех пор чрезвычайно слабым *якобинское направление Ткачева*».¹⁵⁹ Примерно в то же время он в письме к Энгельсу замечал, что народовольство было «самым обыкновенным ткачевством» (он, правда, делал оговорку: «Я говорю о печатной пропаганде; теоретик „Народной воли“ Л. Тихомиров

¹⁵⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 104.

¹⁵⁵ Впрочем, насколько можно понять из предисловия Плеханова к книге Туна, он полагал, что такие взгляды (главным их выразителем он считал Тихомирова) окончательно сложились и были приняты «большинством народовольцев» «значительно позже» Воронежского съезда. Их выработке и распространению, по его мнению, очень содействовал «ропот» широкого круга революционной интеллигенции, сочувствовавшей народовольческой борьбе, но опасавшейся — по старой, народнической, памяти, — что «политическая революция» отдаст народ во власть буржуазии. См.: Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 107.

¹⁵⁶ Серия статей «Революционная пропаганда» в «Набате» за 1877—1878 гг., согласно указанию Гаспара-Михаила Турского, принадлежала этому последнему (Каторга и ссылка, 1926, № 2 (23), стр. 222).

¹⁵⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 147.

¹⁵⁸ Там же, стр. 154.

¹⁵⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 20.

просто переписывал статьи Ткачева»¹⁶⁰). Позже, однако, Плеханов выражался осторожнее. В 1905 г. в предисловии к собранию сочинений он заявлял, что распространение идей бланкизма, дальше которого «не пошли» народолюбцы, было «облегчено» литературной деятельностью Ткачева в середине 70-х годов.¹⁶¹ В 1912 г., полемизируя с В. Я. Богучарским, который находил, что влияние «Набата» на выработку народолюбческой программы если, может быть, и имело место, то лишь косвенное и весьма незначительное,¹⁶² Плеханов поддерживал предположение, что «якобинский» (речь собственно идет о бланкизме) образ мыслей некоторых влиятельных народолюбцев «сложился под непосредственным или хотя бы только посредственным влиянием» ткачевского «Набата», что появление мысли о «захвате власти» у народолюбцев было подготовлено и облегчено пропагандой издателей «Набата».¹⁶³ Нужно признать, что более осторожные формулировки Плеханова были значительно ближе к действительности. В гораздо большей степени имело место сходство (далекое от полного) известных воззрений «Народной воли» и «Набата», нежели прямое влияние со стороны «Набата».¹⁶¹

¹⁶⁰ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, изд. 2-е. Госполитиздат, 1951, стр. 330.

¹⁶¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, изд. 2-е, стр. 21.

¹⁶² В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912, стр. 455. Богучарский отмечает роль в «Народной воле» М. Н. Ошаниной, упоминает Льва Тихомирова, Галину Чернявскую (т. е. ясно выраженных «якобинцев»). «Но в общем, — пишет он, — захват власти вошел в народолюбческую программу не как наследие от Заичневского и Ткачева, а скорее в качестве отчаянной попытки мысли примирить непримиримое, сохранить верность старым народническим иллюзиям с признанием законности борьбы за политическую свободу» (В. Я. Богучарский, укач., стр. 455).

¹⁶³ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 154.

¹⁶⁴ В записке об эмиграции, составленной в заключении в 1882 г. известным деятелем движения 70-х—начала 80-х годов Яковом Стефановичем, читаем: «Хотя тенденции „Набата“ вполне аналогичны (тут серьезное преувеличение у Стефановича, — Ш. Л.) с тем направлением, какое стало господствующим в России за последнее время, группа его не может считаться повинной ни в нравственном, ни в каком бы то ни было другом влиянии на образование этого направления, несмотря на то, что претензии на таковое влияние всегда у него были велики. Личности и кружки, явившиеся пионерами террористического движения, были искренними противниками „Набата“...» (Былое, № 16, 1921, стр. 79). «Претензии», о которых говорит Стефанович, очень яркое выражение нашли, между прочим, в частном письме П. Н. Ткачева (очевидно, от 1880 г.), которое было опубликовано в 1886 г. в заграничном журнале «Общее дело» в тексте интересной статьи А. Х. Христофорова о Ткачеве. Ткачев утверждал, что издание «Набата» «положило начало целому перевороту в направлении и характере деятельности революционной партии». Христофоров подверг эту мысль Ткачева критике, во многом довольно основательной и справедливой, хотя он и не

Плеханов не раз говорил о разрыве между «теоретическими взглядами» «Народной воли» и содержанием ее практической деятельности. В теории народовольцы, как и их противники — чернопередельцы, апеллировали еще к основным положениям народничества. А практика народовольцев «стояла в непримиримом противоречии с их теоретическими взглядами». «Народничество, — говорится в работе «Социализм и политическая борьба», — стояло в резком отрицательном отношении ко всякой государственной идее; народовольцы рассчитывали осуществить свои социально-реформаторские планы с помощью государственной машины». Народничество отреклось от политики, народовольцы видели в демократическом политическом перевороте главное средство «социальной реформы».¹⁶⁵

Позже Плеханов указывал (в письме к Геду от 1891 г.), что партия «Народной воли» искоренила «всевозможные анархические поползновения в нашем движении», она нанесла «своей практической деятельностью смертельный удар всем традициям правого народничества». Но она не отвергла народнического воззрения на экономические условия России; ее тактика по отношению к рабочему классу основывалась на тех же экономических теориях.¹⁶⁶ «Так как торжество социализма она связывала не с развитием русского пролетариата, но с раскрепощением сельского общества, то рабочему движению она отводила второстепенную роль. Она кое-что сделала для политического пробуждения русских ра-

отвергла в то же время «сходства» идей «Набата» с «идеями народвольческой партии в наиболее резких и эффектных сторонах» (Общее дело, 1886, № 84, стр. 13; № 85, стр. 9. Ср.: Былое, 1907, № 8 (20), стр. 165 и сл.). К вопросу о взаимоотношениях народовольцев и «набатовцев» см.: С. Н. Валк. Г. Г. Романенко (Из истории «Народной воли»). Каторга и ссылка, 1928, № 11 (48), стр. 39 и сл.

¹⁶⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 41. Ср. статью «Политические задачи русских социалистов»: «Отношение партии „Народной воли“ к государству было диаметрально противоположно отношению к нему народников. Народовольцы не стремились уже к разрушению государства, но, наоборот, смотрели на него, как на рычаг, с помощью которого только и может совершиться и упрочиться экономическая революция» (Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 86). Было, однако, и известное сходство во взглядах на государство у народовольцев и части народников до-народвольческой поры — игнорирование или отрицание классовой природы русского государства.

¹⁶⁶ Группа «Освобождение труда». Сборник № 3, стр. 246—247. В статье «Политические задачи русских социалистов» Плеханов писал: «Во всем, что касалось экономических отношений России, „народовольцы“ совершенно разделяли взгляды своих предшественников-народников, или вернее сказать, они сами были народниками... Они стремились захватить власть именно для того, чтобы путем государственного вмешательства остановить развитие капитализма и содействовать непосредственному переходу общинного быта в социалистический строй. В возможности такого перехода никто из них не сомневался» (Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 87).

бочих, но могла бы сделать гораздо больше, если бы стала на точку зрения классовой борьбы и поняла бы роль пролетариата в социальной и политической истории современного общества».¹⁶⁷

В общих, итоговых оценках деятельности «Народной воли» у Плеханова были в разное время не лишённые значения оттенки.¹⁶⁸ В книге «Социализм и политическая борьба», написанной в период, когда немалочисленные остатки «Народной воли» в России ещё продолжали свою деятельность, когда только что закончились неудачей переговоры о совместной деятельности заграничной группы бывших чернопередельцев с народолюбцами, Плеханов писал: «Честь сообщения нового размаха нашему движению бесспорно принадлежит „Народной воле“».¹⁶⁹ В «Наших разногласиях», где так остро критиковались народолюбческие теории, Плеханов в то же время с уважением говорил о революционных традициях «Народной воли», имея в виду, как он подчеркивал, «не одну только террористическую борьбу»: «Я говорю о том расширении русла русского движения, которое было необходимым следствием этой борьбы и которое показало нам, до какой степени узки, абстрактны и односторонни были исповедуемые нами в то время теории».¹⁷⁰ В 1891 г. в докладе, представленном группой «Освобождение труда» за подписями Г. Плеханова и В. Засулич международному социалистическому конгрессу в Брюсселе, признавалось, что «пар-

¹⁶⁷ «Группа „Освобождение труда“». Сборник № 3, стр. 247. Ср.: Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 43; Политические задачи русских социалистов (1889). Соч., т. III, стр. 87. Свою оценку отношения «Народной воли» к деятельности среди рабочих Плеханов впоследствии довольно подробно изложил в статье «Полемическая беспомощность, или сердит, да не силен (Ответ т. Мартынову)». (Дневник социал-демократа, № 13, июль 1910 г.). См.: Г. В. Плеханов, Соч., т. XIX, стр. 242—243. Плеханов в какой-то мере преуменьшал иногда масштабы деятельности народолюбцев среди рабочих, в то время как, заметим попутно, некоторые исследователи наших дней склонны к их преувеличению, к переоценке заслуги «Народной воли» в отношении характера и размеров деятельности среди рабочих по сравнению с предшествующими ей революционными организациями (см.: В. А. Твардовская. Организационные основы «Народной воли». Исторические записки, т. 67. М., 1960, стр. 127).

¹⁶⁸ Довольно давно на них останавливался В. Малаховский: В. Малаховский. На два фронта (К оценке народолюбчества). Труды Коммунистического ун-та им. Я. М. Свердлова. Тверь, 1930, стр. 88 и сл. Отдельные конкретные наблюдения автора представляются нам верными, но ряд выводов требует ограничения или прямо вызывает возражения. Мы не вдаемся в полемику с ними, высказывая свою точку зрения ниже в положительной форме.

¹⁶⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 39.

¹⁷⁰ Там же, стр. 105. Для правильного понимания этих формулировок надо помнить, что в начальный период своей деятельности группа «Освобождение труда» не считала возможным полностью отрицать тактику террора.

тия „Народной воли“ оказала огромные услуги России»: «Благодаря ей борьба с правительством стала вестись с неслыханной до тех пор энергией»; однако она вербовала своих членов почти исключительно среди интеллигенции, и «сил ее было достаточно для блестящих стычек, но не для решительного боя». ¹⁷¹

В статье «Почему и как мы разошлись с редакцией „Вестника Народной воли“» (1903 г.), разъясняя обстоятельства и причины временного сближения с народовольцами, Плеханов писал: «„Партия Народной воли“ пала не в один день, и в довольно продолжительном процессе ее падения бывали моменты подъема, в которые совсем уже стыдно было бы сидеть сложа руки, не поддерживая того движения, которое при всех своих недостатках было хорошо уже тем, что являлось единственным в то время энергичным протестом против самодержавия». ¹⁷² Здесь Плеханов непосредственно говорит о послемартовском периоде существования «Народной воли», но оценка деятельности «Народной воли» как энергичного протеста против самодержавия относится, разумеется, и к предыдущему, более выдающемуся, периоду ее работы. В общем, однако, об исторической роли народовольческого движения в это время он отзывается, пожалуй, уже сдержаннее, чем раньше. Это еще сильнее чувствуется в большой критической статье, посвященной книге В. Богучарского о «Народной воле» (1912 г.). Указывая, что партия «Народной воли» поставила перед собой цель, совершенно не соответствовавшую ее средствам и потому для нее неосуществимую, Плеханов в этой статье заявлял: «... Партия „Народной воли“... далеко не была тем, чем должна была стать партия действия, по мнению ее собственных теоретиков. Это противоречие между ее политической теорией и ее политической практикой прекрасно объясняет то обстоятельство, что ее „агония“ (выражение г. Богучарского) началась чуть ли не на другой день после ее рождения. Она была совершенно лишена способности к жизни. А совершенное отсутствие у нее этой способности не позволяет говорить даже об „относительном реализме“ народовольческой программы, как это делает г. Богучарский...». ¹⁷³ Здесь критический дух в отношении старого народовольчества увлек Плеханова явно слишком далеко, благодаря чему он в большей или меньшей мере вступает в противоречие со своими прежними суждениями.

¹⁷¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 344. В том же докладе указывалось, что «Народная воля», состоявшая из представителей интеллигенции — студентов, людей свободных профессий и офицеров, — «не отталкивала рабочих, но она не придавала большого значения их присоединению. Для нее один офицер имел гораздо больше значения, чем сотня рабочих» (Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 344).

¹⁷² Г. В. Плеханов, Соч., т. XIII. М.—Л., 1926, стр. 27—28.

¹⁷³ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 142.

Нет оснований говорить о том, что «агония» партии «Народной воли» началась едва ли не немедленно после ее появления на свет. На некоторое время она была «жизнеспособна», хотя в конечном счете она должна была сойти с исторической сцены. Она знала свою, пусть совсем недолгую, полосу подъема, когда ее деятели, как указывал В. И. Ленин на рубеже XX века (в «Протесте российских социал-демократов»), «сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория...».¹⁷⁴ Недаром сам Плеханов неоднократно, как мы выше видели, оставался на больших заслугах, принадлежавших в свое время народолюбцам, говорил о серьезных заслугах «Народной воли» даже в «процессе ее падения».¹⁷⁵

8

Плеханов не раз анализировал обстановку, в которой произошел раскол «Земли и воли» и возникли две новые организации «Народная воля» и «Черный передел». Ему принадлежит верное наблюдение (мы уже об этом упоминали), что народники-землеуольцы, отвергая в теории «политику», на деле сами, «вопреки собственному теоретическому убеждению», вели политическую борьбу.¹⁷⁶ Стремление к пересмотру принципиального взгляда на политику тем не менее вызвало серьезную оппозицию у части зем-

¹⁷⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 163.

¹⁷⁵ Напомним, кстати, об оценках Плеханова, касающихся его отношения к виднейшим борцам «Народной воли». В брошюре «Новый поход против русской социал-демократии» (1897) он писал: «Некоторым молодым революционерам кажется, что отказ от клички „народолюбец“ является оскорблением памяти людей, некогда погибших в героической борьбе с царизмом и называвших себя народолюбцами. Но это мысль совершенно ошибочная и притом крайне обидная для памяти погибших борцов. Разве они были буквоедами; разве они не становились в критическое отношение к „старым программам“ своего времени? Поверьте, товарищи, что эти борцы, имена которых для нас столько же святы, как и для вас, были людьми смелой мысли и энергичного действия...» (Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 331). В 1901 г. Плеханов писал в «Заре» в статье «Еще раз социализм и политическая борьба»: «„Заговоры и терроры“ теперь совершенно неуместны. Но память о заговорщиках и террористах, преследовавших святую цель экономического и политического освобождения русского народа, должна быть так же дорога всем сознательным рабочим, как дорога всем искренним христианам память их мучеников. Желябовы и Перовские составляют славу нашей родины» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 98).

¹⁷⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 82. Еще гораздо раньше, в статье 1889 г. «Политические злочи русские социалистов», Плеханов писал: «Они (народники, — Ш. Л.) считали всякого рода политические задачи не более, как буржуазными выдумками, но на деле все-таки занимались политической борьбой, потому что невозможно было не заниматься ею» (Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 83).

левольцев. Споры, как известно, разгорелись также вокруг вопроса о способах борьбы, об отношении к террору. Плеханов-историк искал ответа на вопрос о том, чем был вызван поворот в народническом движении — уход части, даже большинства его деятелей в политику и террор. Ответ Плеханова во многом расходился с тем, который давали историки, видевшие свою задачу во всесторонней и безоговорочной защите народовольчества.

Значительный интерес представляет в этом отношении полемика Плеханова с Серебряковым, в прошлом участником движения 70-х годов и деятельности военной организации «Народной воли», опубликовавшим (впервые в 1894 г., переиздания — в 1902 и 1906 гг.) работу об обществе «Земля и воля».¹⁷⁷ Серебряков в духе основной народовольческой историографической традиции освещал судьбы «Земли и воли», переход к террору, раскол в организации. О положении «деревенщиков» ко времени Воронежского съезда он писал: «А что же делали деревенщики? В деревню идти пропагандировать они не могли. . . И пришлось им остаться в городах и здесь заниматься, подобно членам новой фракции, проповедью и вербовкой последователей. . . неизвестно для чего».¹⁷⁸ А перед этим он утверждал: «Революционеры. . . бросили правительству вызов на смертный бой. Возврата назад не было. Нужно было идти вперед по избранному пути, так как все другие были закрыты. Отступить — значило подписать смертный приговор партии. . . Последние остатки деревенщиков бегут в города».¹⁷⁹

Плеханов решительно оспаривал (в предисловии к русскому изданию книги Туна) взгляд Серебрякова, в котором он законно видел повторение мнений, распространенных некогда в устной и печатной пропаганде «Народной воли». «Деятельность в крестьянстве, — писал Плеханов, — отнюдь не была невозможна; революционеры справились бы с полицейскими препятствиями, если бы их настроение продолжало толкать их в деревню». «Революционное народничество погибало, но погибало не под ударами полиции, будто бы загородившей революционной интеллигенции все пути к народу, а в силу неблагоприятного для него настроения тогдашних революционеров, которым во что бы то ни стало хотелось „отомстить“ правительству за его преследования и вообще вступить с ним в „непосредственную борьбу“, т. е., собственно говоря, как можно скорее добиться конституции».¹⁸⁰ Заявление Серебрякова

¹⁷⁷ Е. Серебряков. Общество «Земля и воля» (Материалы для истории русского социально-революционного движения, № XI. С приложением «С родины и на родину», № 4). Женева, май 1894. Легальное издание: Е. Серебряков. Очерк по истории «Земли и воли». СПб., 1906.

¹⁷⁸ Е. Серебряков, ук. соч., изд. 1906 г., стр. 60.

¹⁷⁹ Там же, стр. 50.

¹⁸⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 97, 99—100.

о том, что в промежутке времени между покушением Соловьева на Александра II и Воронежским съездом землевольцев (следовательно, в апреле—июне 1879 г.) последние остатки деревенщиков бежали в города, Плеханов категорически называл неправдой.¹⁸¹

Что «проповедь» идейных противников «Народной воли» — чернопеределцев, настаивавших на необходимости и целесообразности продолжения работы в народе как определяющем направлении революционной деятельности, отнюдь не была бессмысленной, как пытался представить дело Серебряков, является бесспорным. Вместе с тем не подлежит сомнению, что в своем стремлении опровергнуть точку зрения Серебрякова и его единомышленников Плеханов в цитированной статье 1903 г. отчасти склонен был преуменьшать трудности работы в деревне, последствия в этом смысле полицейских преследований, травли революционеров.¹⁸²

В связи с полемикой против Серебрякова в той же работе Плеханов ставил вопрос о реальных результатах деятельности революционеров 70-х годов в народе. Он сильно подчеркивал успехи революционного движения среди городских рабочих;¹⁸³ в какой-то мере он тут вместе с тем признавал плодотворные результаты работы среди крестьян. Прочитывая слова Туна о том, что пропаганда не прошла бесследно, что революционные идеи во многих случаях запали в головы крестьян, что пропагандистское движение заложило в народе основы для будущей революционной партии, Плеханов находил выводы Туна более близкими к истине, нежели суждения Серебрякова. Отметив, что Тун говорил об итогах движения 1873—1874 гг., он считал, что приблизительно такие же результаты дала деятельность «собственно народнического периода, т. е. 1875—1878 гг.».¹⁸⁴

В других случаях, впрочем, плехановские оценки итогов деятельности революционеров 70-х годов в деревне носили более пессимистический характер. Так, еще в «Наших разногласиях» он писал, что усилия революционной интеллигенции в крестьянской

¹⁸¹ Там же, стр. 95. В предисловии к изданию своей брошюры, вышедшему в 1906 г., Серебряков, откликаясь на критику Плеханова, писал: «Взгляд на возможность и продуктивность деятельности в деревне, а также и на причины, послужившие к ее прекращению, всегда был предметом спора между двумя фракциями, а потому совершенно понятно несогласие Г. Плеханова с тем, что мною написано на основании главным образом народовольческих источников...» (Е. Серебряков, ук. соч., изд. 1906 г., стр. 4).

¹⁸² Эту слабую черту аргументации Плеханова правильно отмечает В. А. Твардовская в статье «Кризис „Земли и воли“ в конце 70-х годов» (История СССР, 1959, № 4, стр. 61).

¹⁸³ Рабочее движение своим быстрым развитием превзошло, по словам Плеханова, ожидания интеллигентных революционеров (Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 100).

¹⁸⁴ Там же.

среде «не оставили по себе почти ровно никакого следа», ибо она не обладала для этого «необходимым минимумом сил».¹⁸⁵ В брошюре 1889 г. «Новый защитник самодержавия или горе г. Л. Тихомирова» он заявлял: «...крестьянин остался глух к их (народников, — Ш. Л.) революционным призывам, так что они поневоле должны были попытаться сделать революцию своими собственными силами». Несмотря на это «поневоле», Плеханов здесь же с одобрением вспоминает доводы противников террористов в пору Липецкого и Воронежского съездов: «Они были совершенно правы, когда говорили, что без поддержки со стороны хоть некоторой части народной массы невозможно никакое революционное движение».¹⁸⁶ Любопытно, что даже в том самом 1903 г., к которому относится предисловие Плеханова к книге Туна, он в другой работе — в брошюре «Н. А. Некрасов» — давал (пусть мимоходом) довольно отличное от содержавшегося в этом предисловии освещение вопроса об обстановке деятельности в крестьянстве: «Существующие условия делали невозможной революционную работу в народе; а без революционной работы в народе нельзя было надеяться на изменение к лучшему существующих условий, как это ясно показала неудача „Партии Народной воли“, пытавшейся силами одной интеллигенции положить конец нынешнему нашему порядку вещей».¹⁸⁷

Позже Плеханов возвращался снова к той же проблеме. В статье, посвященной критике книги Богучарского о «Народной воле», он утверждал, что большинство народников 70-х годов под «агитацией» понимало «призыв к немедленному восстанию или к немедленному объявлению врагам народа „партизанской войны“, и, поскольку для этого не оказывалось предпосылок, деятельность в крестьянстве переставала удовлетворять их. Но кое-кто, по его словам, остался верен идее деревенских поселений, несмотря на последующее почти общее увлечение террором и на общий упадок народничества. Эти люди «не осуществили программы „бунтарей“, не вызвали социальной революции, — об этом нечего и говорить! Но справедливость требует признания того, что их самоотверженная и негромкая... деятельность все-таки не осталась совершенно бесплодной в смысле развития крестьянского сознания».¹⁸⁸

¹⁸⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, стр. 351.

¹⁸⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 57.

¹⁸⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. X, стр. 394.

¹⁸⁸ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 151. В той же статье, как мы видели выше, Плеханов упоминал о «более или менее полной неудаче» в деревне революционеров «первой фазы» движения 70-х годов. Среди источников народовольческого происхождения, в общем враждебных плехановским концепциям, выделяется один, в котором особенно подчеркнута мысль о некоторых положительных итогах деятельности в деревне. Мы имеем в виду знаменитые автобиографические показания Александра Михайлова.

Наиболее последовательный и настойчивый противник будущих народоульцев в период революционных съездов 1879 г. и раскола «Земли и воли», Плеханов впоследствии в своих разнообразных исторических экскурсах многократно освещал и разъяснял позиции сторон в тот момент, выступая как горячий защитник некоторых элементов в воззрениях землеульцев-ортодоксов и затем чернопеределъцев.

В этом отношении представляют интерес работы Плеханова, написанные и в ранние годы его марксистской деятельности, и в последующее время. Например, в уже названной брошюре «Новый защитник самодержавия», изданной в 1889 г. как отклик на ренегатство Тихомирова, Плеханов признавал справедливость замечания Тихомирова относительно того, что «настоящую силу терроризма в России составляет бессилие революции». При этом Плеханов указывал: «Напрасно только он воображает, что нужен был его „созидательный“ ум для открытия столь простой истины. На нее указывали в эпоху Липецкого и Воронежского съездов те из наших революционеров, которым хотелось удержать старую программу „Земли и воли“». ¹⁸⁹ В неоднократно нами использованной статье «О социальной демократии в России» Плеханов повторял свое положение о том, что террор явился в России «естественным плодом слабости сил революционной партии, пытавшейся, несмотря на эту слабость, нанести окончательный удар правительству». ¹⁹⁰ Но с усилением террора «бунтарская» деятельность в народе «незаметно отошла на второй план», приток новых сил к народникам, работавшим в деревне, прекратился, и они, «восхищаясь прежде каждым удачным действием своих городских товарищей, стали решительно и страстно отрицать террор». ¹⁹¹ Пле-

В заявлении властям от 7 июля 1881 г. Михайлов настаивал на том, что деревенская деятельность народников, сравнительно очень непродолжительная, не пропала без следа. «Уходя из деревень, чтобы принять участие в борьбе с правительством, народники, — по словам Михайлова, — почти везде оставляли после себя преемников из крестьян, более или менее подготовленных, могущих продолжать дело создания народно-опозиционных сил... Результаты пробуждения народного сознания в свое время станут очевидны как для друзей, так и для врагов народа». В дальнейшем Михайлов рассказывает о том, как борьба, которая завязывалась «по воле судьбы» в столице, сократила приток новых деятелей к поселениям и все более подрывала деятельность революционеров, уже обособившихся в деревне (см.: А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. А. Д. Михайлов. Л.—М., 1925, стр. 147—155). Бросаются в глаза совпадения отдельных соображений Михайлова с мыслями Плеханова, конечно, не знавшего совершенно показаний Михайлова.

¹⁸⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 57.

¹⁹⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 20.

¹⁹¹ Там же, стр. 18—19. В предисловии к книге Туна Плеханов писал: «Организация народных сил... предполагала непрерывный и широкий приток в народную среду революционной интеллигенции... Два-три десятка

ханов энергично и вполне законно опровергает мнение, будто народники старого направления были сторонниками мирной деятельности, в то время как террористы стремились к революции: «В действительности спор шел о том, продолжать ли *революционные*, — „бунтарские“, — попытки в народе или, *махнув рукой на народ*, ограничить революционное дело *единоборством интеллигенции с правительством*». ¹⁹² Готовность «махнуть рукой на народ», приписываемую им террористам, Плеханов неизменно осуждал. ¹⁹³

Противники новой тактики, как указывает Плеханов в статье «Что же дальше?» в издававшемся редакцией ленинской «Искры» журнале «Заря», «убедились, что террористическая борьба имеет свою логику и что, раз начавшись, она не может остановиться до тех пор, пока в самом деле не поглотит всех сил партии и не парализует почти всех других отраслей ее деятельности, а прежде всего — *агитационной деятельности в массе*». Как поясняет Плеханов, опыт показал, что революционеры, выдвигавшие против террора этот довод, были правы: террористическая борьба действительно поглотила все силы партии и парализовала почти все другие отрасли ее деятельности. ¹⁹⁴ К тому же периоду (но к 1902 г.) относится статья Плеханова «Логика русского „терроризма“», появившаяся в самой «Искре». Плеханов указывал здесь, что в 70-х годах одно время революционеры, убедясь в неизбежности террористической борьбы, однако уверены были, что террористы составят лишь «охранительный отряд» революционной партии, главные силы которой должны действовать в народе. В этом смысле высказывалась

лиц, уже поселившихся и действовавших в Поволжье, могли иметь значение только как *авангард*, возвещавший о приближении *большой армии*. . . Вот почему „деревенщики“ так горячо восстали против террора, которому сначала многие из них горячо сочувствовали, когда убедились, что он отвлекает симпатии молодежи от агитации в народе и направляет их в другую сторону» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 99).

¹⁹² Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 19.

¹⁹³ Рассматривая обычно народофильство как идеологию единоборства интеллигенции против самодержавия, Плеханов однажды сильно отступил от такой точки зрения. В речи по аграрному вопросу на Стокгольмском съезде РСДРП (1906 г.) он сам стал возражать против мнения, что народофильцы «приурочивали свои надежды к усилиям горсти заговорщиков». Нет, говорил он, они «понимали, что захват власти революционерами должен явиться результатом революционного движения всего народа» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XV, стр. 75). На деле расчеты строились больше на том, что та или иная часть народа поддержит инициативу партии. «Подготовка не восстания в народе, а заговора против верховной власти с целью захвата ее в свои руки и передачи народу», — так определяла Вера Фигнер задачу народофильцев в своих показаниях от 1883 г. (см.: Бюллет., № 3, 1917, стр. 184).

¹⁹⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 176. «Террористическая борьба истощила все силы интеллигенции. . .», — писал Плеханов Энгельсу в 1894 г. (Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, изд. 2-е, стр. 329).

передовая первого номера «Земли и воли» (Плеханов имел в виду известную программную статью С. М. Кравчинского). Прошло едва полгода, и в организации «Земля и воля» стало брать верх направление, воззрение которого Плеханов характеризует нашумевшим тезисом позднейшей статьи в «Народной воле»: работать в народе при современных русских условиях это то же, что «биться как рыба об лед». По этому поводу Плеханов делает вывод: «Люди сели на верхний конец наклонной плоскости и надеялись удержаться там, с убеждением повторяя, что спуститься к нижнему концу ее — значит совершить самоубийство, т. е. погубить все революционное дело. Но объективная логика раз принятого положения столкнула их вниз, незаметно для них самих и вопреки их, по-видимому, твердому решению остаться наверху».¹⁹⁵

К тем же вопросам и с тех же позиций Плеханов и потом не раз возвращался: в предисловии к книге Туна, в статье «Почему и как мы разошлись с редакцией „Вестника Народной воли“», в статье (газ. «Vorwärts», 1909 г.) «Первые шаги социал-демократического движения в России», в неопубликованных в свое время замечаниях к некоторым народофильским мемуарам, записанных Л. Г. Дейчем в 1908 г., в статье «Неудачная история партии „Народной воли“» и т. д. Между прочим, Плеханов подчеркивал снова, что спор между народниками, образовавшими затем «Черный передел», и будущими народолюбцами — это был спор не между мирной пропагандой или «кустарным производством», с одной стороны, и «дезорганизацией» («террором») — с другой, а между «террором» и революционной агитацией в народе.¹⁹⁶

«Русские революционеры возвели террор в систему только тогда, — писал Плеханов в 1909 г., — когда они убедились в невозможности поднять немедленно крестьянскую массу на борьбу с государством. Титаническая энергия террористов была поистине энергией отчаяния».¹⁹⁷ Ставя вопрос, был ли целесообразен тот прием борьбы, из-за которого будущие народолюбцы отказывались от старого способа действий и разошлись с прежними товарищами, Плеханов в статье «Неудачная история партии „Народной

¹⁹⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 263—264.

¹⁹⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 149. Ср. замечания Плеханова (1908 г.) по поводу воспоминаний Н. А. Морозова: «Если Морозов думал, что наши разногласия выражаются антитезой: или террор, или убеждение, то он просто-напросто ничего не понимал в тактике общества „Земля и воля“. Это общество было обществом бунтарей, стремившихся вызвать путем агитации массовое движение в народе. Стало быть, спор между нами мог быть выражен формулой: или агитация в массе, или террор. Но об этом до сих пор забывают те, которым хочется изобразить тогдашних народников в виде „культуртрегеров“» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 308).

¹⁹⁷ Там же, стр. 177.

воли"» заявлял: «На этот неизбежный и вполне правомерный вопрос жизнь ответила отрицательно, совершенно оправдав... пессимистические предсказания противников „дезорганизации“». ¹⁹⁸

Как показывают приведенные суждения Плеханова, он с особым вниманием и постоянством останавливался на той стороне разногласий и споров между «народниками» и террористами, которая касалась противоположения террора и работы в массах. Конечно, Плеханов не обходил, хотя, быть может, не всегда выдвигал в должной степени параллельный спор о «политике», о борьбе за политическую свободу. ¹⁹⁹ Работа «Социализм и политическая борьба» как раз, впрочем, открывалась резким подчеркиванием расхождений по этому вопросу. «Русские социалисты, — заявлял он там, — временно разделились на два лагеря, державшиеся диаметрально-противоположных взглядов на „политику“». Дело не обошлось, по его словам, без крайностей с обеих сторон, причем «одни» (речь идет явно о сторонниках самого Плеханова, будущих чернопредельцах) «считали политическую борьбу чуть ли не изменой народному делу, проявлением в нашей революционной интеллигенции буржуазных инстинктов, осквернением чистоты социалистической программы». ²⁰⁰

Но очень скоро, в «Наших разногласиях», он резко протестует против утверждения Тихомирова в «Вестнике Народной воли», согласно которому основатели «Черного передела» принадлежали к числу «самых ярких противников конституции». Для опровержения заявления Тихомирова он цитирует то место из «Письма к бывшим товарищам» (О. В. Аптекмана) в первом номере «Черного передела», где автор «Письма», защищая старые землевольческие позиции, вместе с тем объявлял, что он не вообще против конституции и политической свободы. Находя у Аптекмана «кое-какие неточности в выражениях, неправильности в определении понятий», Плеханов тем не менее считал, что текст «Письма к бывшим товарищам» уличает Тихомирова в игнорировании или незнании фактов, либо в отсутствии логики. Плеханов ссылался также на второй номер «Черного передела» (на статью, автором которой был он сам). ²⁰¹ Однако, хотя между первыми двумя номерами «Черного передела» прошло не так много времени (меньше года), все же чернопредельцы успели уже эволюционировать за этот короткий период, и между положениями статей Аптекмана

¹⁹⁸ Там же, стр. 152.

¹⁹⁹ В сущности, приведенную выше формулу Плеханова («или агитация в массе, или террор») можно было бы развернуть, определяя спор так: или агитация в массе ради социальной революции, решающей попусту и политический вопрос, или политическая борьба посредством прежде всего террора.

²⁰⁰ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 29

²⁰¹ Там же, стр. 161—162.

(в № 1) и Плеханова (в № 2) несомненно существовало различие, которое Плеханов обходил или теперь не замечал.

Впоследствии в высказываниях Плеханова по вопросу о роли отношения к «политике» в спорах конца 70-х годов также наблюдались, как нам кажется, некоторые колебания. В статье «Почему мы разошлись...» Плеханов писал, что споры с террористами вращались «главным образом» вокруг вопроса о том, имеет ли социалист право заниматься политической борьбой.²⁰² А через ряд лет в статье «Неудачная история партии „Народной воли“» он заявлял: «Крайне ошибочно было бы думать, что участники Воронежского съезда спорили между собою только о „политике“ и об ее отношении к борьбе классов. Они были *практиками* по преимуществу, и их больше всего интересовал вопрос „о *практических последствиях террора*“». ²⁰³ «Главным образом» и «больше всего» — это равнозначные понятия; таким образом, здесь у Плеханова приходится отметить оттенки в суждениях. В действительности оба пункта играли очень существенную роль в момент разделения, но в дальнейшем, в результате сравнительно быстрой эволюции «Черного передела», разногласия по вопросу о признании «политики» все больше отступали на задний план и потом сошли по существу на нет, в то время как вопросы, связанные с тем или иным подходом к работе в массах, сохраняли во многом свое значение.

Остается сказать об общей оценке Плехановым исторической роли «Черного передела». В статье «О социальной демократии в России» Плеханов, говоря о неизбежности разрыва между «деревенщиками» и «террористами», указывает, что этот разрыв несколько не изменил «естественного течения событий»: «Старое революционное народничество было осуждено на смерть самую жизнь, попытка „*чернопередельцев*“ привлечь к нему новые силы окончилась полной неудачей». ²⁰⁴ Впоследствии в критическом выступлении против Богучарского он упрекал последнего (и не его одного) в несправедливом отношении к «народникам». «О „*чернопередельцах*“, — писал Плеханов в 1912 г., — принято говорить, что их направление было *мертворожденным*. Но из него развилась русская социал-демократия... Оказывалось, что если „*чернопередельческая*“ организация умерла, то умерла родами, произведя на свет такое направление, которого даже самый заклятый враг его не решился бы назвать мертворожденным. *Подобная смерть* стоит продолжительной и, как говорят французы, хорошо наполненной жизни». ²⁰⁵

²⁰² Г. В. Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 25.

²⁰³ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 144.

²⁰⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, изд. 2-е, стр. 19.

²⁰⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 152.

Протест против пренебрежительного отношения к чернопердельчеству, прозвучавший в словах Плеханова, был закономерен. Идейные искания, развивавшиеся в рамках этого течения, оказались в конечном итоге весьма плодотворными. Плеханова и кружок его ближайших друзей они привели к полному отказу от народнического мировоззрения и к принятию марксизма. Да и среди части чернопердельцев, действовавших непосредственно в России, происходил аналогичный процесс, протекавший, правда, сложнее и труднее. Достаточно вспомнить о роли некоторых бывших чернопердельцев в формировании так называемой Благоевской группы. Но это не значит, что вся чернопердельческая фракция проделала такой путь. Некоторые из сторонников «Черного передела» ушли к «Народной воле», часть их стремилась сохраниться в виде отдельного народнического направления или пыталась эклектически соединить элементы народничества и марксизма. С другой стороны, нельзя забывать о том, что идейное брожение, происходившее в рядах соперничавшей с «Черным переделом» «Народной воли» в послемартовский период, привело потом и известное число бывших народовольцев в лагерь русского марксизма. Надо, кроме того, подчеркнуть, что опыт революционной борьбы «Народной воли» в целом (и положительный, и отрицательный) имел свое важное значение в историческом процессе приготовления русской социал-демократии.

9

Плеханов, как мы в сущности уже видели, в разное время прямо и косвенно подходил к вопросу о значении наследия, оставленного революционным народничеством 70-х годов социал-демократии.

Он, в общем, не придавал существенного значения «теоретическому» наследству 70-х годов, считая, что оно оставляло незаполненной пропасть, отделявшую «русский социализм» бакунинского и лавровского оттенков от научного социализма. Вместе с тем он находил очень важным, совершенно незаменимым практический опыт движения 70-х годов.²⁰⁶ При этом понятие «практического» опыта понималось достаточно широко.

По отношению к «народникам»-революционерам донародовольческой поры Плеханов очень подчеркивал ценность их стремления опереться на народные массы, их убеждение в том, что освобождение трудящихся может и должно быть собственным делом трудящихся. Он указывал на положительный пример разносторонней и весьма активной «агитации» бунтарей, объективно имевшей, по его признанию, серьезное политическое значение; он отмечал важность опыта семидесятников-народников в деле создания крепкой и дис-

²⁰⁶ Там же, стр. 91—92.

циplinированной революционной организации. Плеханов видел заслугу народовольцев в героической борьбе с самодержавием. Говоря вообще о старом, революционном народничестве, Плеханов подчеркивал, что оно заслуживает симпатии «уже по одному тому, что оно было *решительным врагом царизма*».²⁰⁷

Плеханов за русским «мыслящим пролетариатом» (по существу, за революционной народнической интеллигенцией) признавал ту заслугу, что он расшатывал абсолютизм и способствовал пробуждению в обществе политических интересов. Плеханов допускал известное реальное значение деятельности народников по пробуждению сознания крестьян и без сомнения ценил их роль в качестве первых пропагандистов революционных идей в среде пролетариата России.

Все это позволяло Плеханову говорить об определенной преемственности между революционерами 70-х годов и тем поколением, которое идет под «красным знаменем революционного пролетариата всех цивилизованных стран» — под знаменем марксизма. Люди, которые сражаются в России под этим знаменем, заявлял Плеханов в ленинской «Искре» в 1901 г., продолжают то, что было *существенного* в работе прежних героических борцов, отказываясь от их ошибок, «вызванных условиями места и времени».²⁰⁸

В 1912 г. в статье «Две утопии» В. И. Ленин писал: «Ясно, что марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс». К этому Ленин добавлял: «В старой марксистской литературе, 80-х годов прошлого века, можно найти систематически проведенное стремление выделять это ценное демократическое ядро».²⁰⁹ В этих словах В. И. Ленина заключена общая положительная оценка исторического анализа народничества, дававшегося Плехановым в период развертывания деятельности группы «Освобождение труда».

Плеханов выступил со своими первыми марксистскими работами о народничестве тогда, когда изучение истории народнического движения только начиналось. Несколько раньше плехановских работ или приблизительно одновременно с ними появились историко-революционные обзоры П. А. Лаврова, немецкая книга А. Туна

²⁰⁷ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV. М., 1937, стр. 68 (из неопубликованной рукописи брошюры «Наши разногласия. Часть вторая», середины 90-х годов).

²⁰⁸ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 125. Здесь, споря с эсерами, претендовавшими быть наследниками «Народной воли», Плеханов в качестве примера называет Перовскую и Желябова. Но совершенно бесспорно, что мысль Плеханова тут была обращена ко всему революционному поколению 70-х годов, к той блестящей плеяде семидесятников, о которой писал в тот же период В. И. Ленин.

²⁰⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 330.

«История революционных движений в России», «Подпольная Россия» Степняка-Кравчинского (сначала вышедшая на иностранных языках и лишь в 1893 г. изданная автором на русском); в далекой ссылке в те годы создал первоначальную редакцию своего интересного очерка о революционном движении 70-х годов и «Земле и воле» (мемуарно-публицистического характера) О. В. Аптекман. Произведения Плеханова вначале были единственными марксистскими трудами в русской литературе, посвященными истории и критике народничества. Они глубоко вскрывали ошибочность теоретических основ народничества и в то же время разъясняли положительный вклад революционного народничества 70-х годов в освободительную борьбу русского народа.

С середины 90-х годов работа Плеханова шла параллельно с огромной теоретической деятельностью В. И. Ленина. Как выше отмечено, плехановский анализ в ряде пунктов существенно уступал ленинскому (это особенно касается вопросов о социальной природе народничества, о будто бы славянофильских корнях народнического мировоззрения). Но исторические (или связанные с исторической проблематикой) труды Плеханова продолжали тем не менее занимать выдающееся место в марксистской литературе, относящейся к освещению народничества вообще и революционного народничества 70-х годов в частности. Плеханов исключительно много сделал не только для характеристики и критики народничества в целом, но и для освещения отдельных этапов и направлений в народническом движении, для оценки ряда народнических организаций середины и второй половины 70-х—начала 80-х годов. Он показал (не избежав при этом некоторых сомнительных и спорных утверждений) связь движения 70-х годов с предшествующим этапом развития русской революционной мысли. Плеханов был первым историком рабочего революционного движения 70-х годов.

Работы Плеханова, богатые конкретным материалом, по своему идейно-теоретическому уровню решающим образом превосходили все то, что давала в его время историческая и историко-мемуарная литература, исходившая от народников, а тем более от историков либерального направления или близких к либерализму. Они очень выгодно отличались также от работ ряда авторов, претендовавших на принадлежность к лагерю марксистов, но порывавших с подлинным духом марксистского анализа.

Вооруженная марксистско-ленинской методологией советская историческая наука, разъяснившая ошибки и необоснованные положения в наследии Плеханова-историка (в том числе историка революционной мысли и движения), вместе с тем воздает должное его большим заслугам; она в полной мере должна учитывать все то важное и ценное, что дают труды Плеханова для восстановления прошлого освободительной борьбы в России.